

Имена павших

18+

Charles Charles
Имена павших

<https://litres.ru/74014183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если чтобы спасти мир, тебе нужно сломать его законы, убить богов и уничтожить чудо — готов ли ты остаться жить на этих руинах в одиночестве?

Содержание

Том 1 Глава 1 — Комфортная форма соучастия	4
Том 1 Глава 2 — Невидимка в темноте	13
Том 1 Глава 3 — Идеальный механизм	24
Том 1 Глава 4 — Пепел и Снег	37
Том 1 Глава 5 — Семь колец	49
Том 1 Глава 6 — Сделка	61
Том 1 Глава 7 — Красная нить	75
Том 1 Глава 8 — Архитектура лжи	87
Том 1 Глава 9 — Фундамент Истины	99

Charles

Имена павших

Том 1 Глава 1 — Комфортная форма соучастия

Дерево не умеет лгать. В отличие от людей, у него нет амбиций, нет веры и, что самое главное, в нем нет магии.

Плотник провел лезвием ножа по сосновому бруску, снимая тонкую, полупрозрачную стружку. «Вжик». Ровное движение от себя. «Вжик». Еще одно. Монотонная работа успокаивала, не оставляя в голове места для мыслей.

Холодный северный ветер швырнул ему в лицо пригоршню колючего снега. Когда-то, в прошлой жизни, он мог бы остановить этот порыв одним движением бровей. Он мог бы заставить снежинки замереть в воздухе или сплести из них ледяной щит. Теперь ветер просто обжигал кожу. Внутри, там, где раньше бурлил привычный, чистый источник магии, зияла глухая, тяжелая пустота.

И его это вполне устраивало.

Утоптаный снег перед трактиром «Слепой Медведь» захрустел под десятками сапог. В деревню вошел торговый караван, а вместе с ним — прошлое, от которого не спрятаться

даже на краю империи. Солдаты. Пятеро гвардейцев в форменных плащах с вышитым гербом Короны вели себя так, словно уже завоевали эту заснеженную грязь.

Пока купцы загоняли тяжело груженные повозки под навес, солдаты уже начали наводить свои порядки. Один из них, смеясь, пнул корзину местного мальчишки-посыльного, рассыпав репу по грязному снегу. Другой властно требовал у трактирщика лучший эль и свежее мясо, поигрывая огоньком, дешевой, но показательной магии на кончиках пальцев. Обычное дело. Демонстрация силы перед теми, у кого ее нет.

Плотник не отвел взгляд, но и не сдвинулся с места. Он просто перевернул брусок и продолжил работу. Это больше не его мир. Не его война.

Деревянная скамья рядом с ним даже не скрипнула, когда на нее опустился мужчина. Он двигался с пугающей, почти хищной плавностью. Одет незнакомец был просто, но добротно — темное плотное сукно, дорожный плащ с высоким воротником, — однако было в его осанке нечто такое, от чего мир вокруг вдруг съёжился, показавшись мелким и незначительным. Он сидел так, словно этот кривобокий трактирный стол был тронem, а он сам привык смотреть на мир с невероятной высоты. Его длинные пальцы, лишенные мозолей, покоились на столешнице с изяществом скучающего лорда.

подавальщица, необъяснимо робея под его спокойным взглядом, торопливо поставила перед ним глиняную кружку и поспешила исчезнуть. Незнакомец неторопливо поднес ее

к губам. Сделал один крошечный глоток, словно дегустировал яд, и медленно опустил на стол. Лишь после этого его взгляд скользнул к площади.

— Удивительное свойство человеческой природы, — вдруг произнес незнакомец, глядя в свою кружку. Голос у него был спокойный, размеренный, как у лектора, читающего лекцию в пустом зале. — Крестьяне терпят, потому что верят, что солдаты защищают их от чудовищ. Солдаты грабят крестьян, потому что верят, что имеют на это право. Идеальная, замкнутая система.

Плотник молча продолжил свою работу, не поднимая глаз. «Вжик». «Вжик».

— Я историк, — продолжил мужчина, словно не замечая игнорирования. — Изучаю, как рождаются и умирают империи. И знаешь, что самое забавное? Империи рушат не революционеры. Их рушат те, кто мог бы что-то изменить, но решил, что его это больше не касается.

Беглец замер на секунду. Лезвие ножа остановилось, врезавшись в неподатливый сучок.

— Если ты историк, то должен знать, — глухо ответил он, — что один человек против армии — это не история. Это строчка в отчете о потерях. Я простой плотник. Пейте свой эль.

Мужчина усмехнулся. В его глазах мелькнуло что-то древнее и холодное.

— Как прикажете, капитан Нико.

Нож в руках Нико дрогнул.

Воздух в легких мгновенно заледенел. Годы тренировок и паранойи сработали быстрее мысли. Мышцы напряглись, готовые к прыжку, взгляд инстинктивно просчитал дистанцию до горла незнакомца. Никто в этой деревне не знал его настоящего имени. Никто во всей Империи не должен был знать, что он жив. Если этот человек — шпион инквизиции, он не должен уйти отсюда живым.

Но Историк даже не шелохнулся. Он смотрел на Нико с пугающим умиротворением, абсолютно игнорируя направленную на него жажду убийства.

— Решил, что раз ты больше не часть системы, то ее законы на тебя не действуют, — плавно закончил фразу Историк. — Это не мудрость. Это трусость.

Нико медленно выдохнул. Внутренняя пружина не разжалась, но он опустил нож. В глазах незнакомца не было угрозы. Там вообще не было ничего человеческого. Нико наконец поднял взгляд. В его глазах плескалась тяжелая, мертвая усталость двадцатилетнего старика.

— Государство - это механизм, — произнес Нико, принимая правила этой странной игры. — Если шестеренка ломается, ее выкидывают. Я сломался. Я видел, что делает этот механизм с теми, кто пытается крутиться в другую сторону. Оставьте меня в покое.

Историк подался чуть вперед. Пространство между ними словно уплотнилось, стало физически тяжелым.

— Ты не сломался. Ты стал камнем, который попал между шестеренок. Но вместо того, чтобы разрушить механизм, ты позволил ему обточить себя до состояния гальки. Ты смотришь, как эти солдаты забирают последнее у тех, с кем ты живешь. Твое бездействие - это тоже выбор, Капитан... Каждая несправедливость, на которую ты закрываешь глаза здесь, оплачена твоим молчанием. Ты не обрел покой. Ты просто выбрал комфортную форму соучастия.

Нико смотрел на Историка, чувствуя, как под ребрами воротится давно забытое, колючее чувство вины. Слова незнакомца ударили точно в цель, разрывая аккуратно зашитые шрамы. Он хотел ответить. Хотел сказать этому высокомерному лорду, что мир не делится на черное и белое, что иногда выживание - это единственная доступная форма победы.

Но ответить он не успел.

Ритм деревенской площади разорвал истошный, сорванный крик.

Со стороны тракта, ведущего к предгорьям, в деревню ввалилась группа людей. Их было около десятка. Одежда порвана, лица серые от каменной пыли, на руках и плечах некоторых блестела свежая кровь. Шахтеры с кристаллических копей. Единственное, что еще держало эту окраинную деревню на плаву - добыча низкосортной маны в сыром виде.

Они бежали прямо к гвардейцам, спотыкаясь в перемешанном снегу. Самый старший из них, грузный мужчина с рассеченной бровью, рухнул на колени прямо перед офице-

ром солдат.

— Ваша милость! — выдохнул шахтер, задыхаясь. — Молю... помогите!

Офицер гвардии, брезгливо отступив на шаг, чтобы кровь простолюдина не испачкала его начищенные сапоги, положил руку на эфес меча.

— Встань, смерд. Что за вопли?

— Твари! — забормотал шахтер, трясущимися руками указывая в сторону гор. — Мана-гончие! Они пробили стену в нижнем этаже шахты. Видимо, почуяли жилу... Мы завалили проход, но там остались люди! Пятеро парней! Если вы пошлете солдат, если ударите магией...

Офицер переглянулся со своими подчиненными. Один из гвардейцев усмехнулся, другой скучающе зевнул, выпуская изо рта облачко пара.

— Вы перепутали нас с наемниками-крысоловами, — холодно процедил офицер. — Мы! — Гвардия Короны! Наш приказ — сопроводить караван с налоговыми сборами в столицу. Завтра утром мы уходим.

— Но... но они же погибнут! — в отчаянии выкрикнул шахтер, пытаясь схватить офицера за край плаща. — До утра они не продержатся! Там мальчишки!

Гвардеец отвесил ему короткий, хлесткий удар сапогом в грудь. Шахтер охнул и повалился в грязь.

— Значит, наймете новых, — отрезал офицер, брезгливо

отряхивая плащ. — Если не можете защитить свои норы — не лезьте под землю. А теперь пошли вон, пока я не приказал выпороть вас за оскорбление мундира.

Нико сидел неподвижно. «Вжик». «Вжик». Нож методично срезал стружку, но движения стали жесткими, рублеными. Он смотрел, как гвардейцы, смеясь, возвращаются к своим кружкам с элем, оставляя избитого шахтера лежать на снегу.

Историк, наблюдавший за этой сценой с неподдельным, почти театральным интересом, медленно перевел взгляд на Нико.

— Какая прелестная иллюстрация к нашему разговору, не находишь? — промурлыкал он. В его голосе не было ни капли сочувствия к шахтерам — только холодное академическое любопытство. — Ты ведь знаешь этот взгляд, Капитан. Взгляд людей, которые только что поняли, что богам и королям на них плевать.

Нико промолчал. Пальцы сжали рукоять ножа так, что побелели костяшки.

— Они просят защиты у тех, кто создан лишь для того, чтобы их грабить, — продолжал язвить Историк, склонив голову набок. — А тот единственный, кто знает, как убивать подобных тварей, сидит на бочке и строгаёт палочку. Скажи мне, Нико... сколько еще человек должны умереть в темноте, чтобы твой личный покой остался неприкосновенным?

«Хрусть.»

Сосновый брусок в руке Нико треснул пополам.

Он медленно смахнул стружку с колен, сложил нож и убрал его за пояс. Поднял взгляд на Историка. В глазах бывшего капитана больше не было усталости. В них проснулось то, что когда-то делало его одним из самых опасных людей в армии - холодный, безжалостный расчет.

— Если я убью гвардейцев сейчас, завтра здесь будет Инквизиция, — тихо, почти одними губами произнес Нико. — Деревню сожгут вместе с жителями за пособничество еретику.

Историк чуть приподнял бровь, изображая удивление, но уголки его губ дрогнули в подобии улыбки.

— Я не просил тебя устраивать резню на площади, Нико. Я лишь спросил о твоём выборе.

Нико перевел взгляд на горы, где за пеленой снегопада скрывались шахты. Он знал мана-гончих. Слепые, покрытые костяными наростами твари, питающиеся магией. Обычным мечом их не пробить, а магия манит их, как мотыльков — пламя. Идеальные противники для того, у кого нет маны.

— Ночью гвардия будет спать, напившись эля, — ровным тоном произнес Нико, словно докладывал план операции. — До шахт два часа хода по лесу. Мне не нужны свидетели. Ни среди солдат, ни среди выживших.

Он поднялся со скамьи, больше не обращая внимания на сидящего перед ним собеседника.

Историк проводил его взглядом. Когда фигура Нико

скрылась за дверями амбара, незнакомец сделал еще один крошечный глоток дрянного эля.

— Что ж, друг мой «...». Вот так и начинается история, — тихо произнес Историк, обращаясь к пустому месту по правую руку от себя. — С одной «сломанной шестеренки...»

Том 1 Глава 2 —

Невидимка в темноте

Ночь в горах не наступает — она падает, как тяжелый бархатный занавес, отрезая мир живых от всего остального.

Нико шагал по заснеженной тропе, ведущей к кристаллическим копиям. Метель заметала его следы быстрее, чем он успевал их оставлять. Он не брал с собой факел. Свет привлекает внимание, а внимание — это последнее, что ему сейчас было нужно.

В этой черно-белой гравюре горной ночи он был лишь темным пятном на идеальном белом полотне. Его дыхание ровными облачками пара вырывалось изо рта, тут же оседая инеем на воротнике. Шаг был размеренным, экономящим силы. Под грубой курткой из волчьей шкуры тело облежала старая, потертая армейская кольчуга — единственное, что он забрал с собой из прошлой жизни, предварительно споров все гербы. Ледяные стальные кольца давили на плечи, кусая холодом сквозь нижнюю рубаху. Оружия при нем не было. Ни меча, ни кинжала. В новой жизни они стали ему просто не нужны.

«В прошлой жизни» он бы просто взлетел по этому склону на потоках ветра, скользя по льду. Сейчас его икры горели от напряжения, а легкие жадно хватали морозный воздух,

отзываясь болью при каждом вдохе. И все же в этом была своя первобытная честность. Магия развращает тело, делая его ленивым. Пустота заставляет каждую мышцу помнить, что ты всего лишь смертный.

Спустя час из темноты вынырнул зев шахты. Вокруг валялись брошенные тележки, перевернутые корзины с мусором и темные, замерзшие пятна, которые при свете дня оказались бы кровью. Хруст промерзшего снега под сапогами казался в этой тишине оглушительным. В воздухе висел тяжелый запах. Смесь сырой земли, меди и резкий, кисловатый озоновый душок. Так пахла обнаженная мана.

Нико остановился у входа. Он закрыл глаза и прислушался. Из глубины горы доносился скрежет. Ритмичный звук когтей, с остервенением рвущих камень и мерзлое дерево.

Мана-гончие. Слепые ублюдки, созданные самой природой, чтобы пожирать излишки магии в местах ее скопления. Они ориентировались не на запах мяса, а на тепло магических источников. Любой маг, даже самый слабый, сиял для них во тьме, как маяк. Но вот Нико...

Нико опустил взгляд на свои руки, скрытые плотными кожаными перчатками. В нем не было ни капли магии. Для этих тварей он был не более чем ходячим куском живой плоти, но абсолютно невидим. До тех пор, пока не прикоснется к ним.

Он шагнул во тьму.

Чем глубже он спускался, тем холоднее становилось. Сте-

ны пещеры тускло мерцали прожилками дешевых мана-кристаллов. Света хватало ровно на то, чтобы различать силуэты.

Вскоре он увидел их.

Завал из потрескавшихся балок и камней перекрывал туннель. По ту сторону баррикады слышались приглушенные, полные ужаса вскрипы шахтеров. А по эту сторону, методично разрывая когтями толстые бревна, копошились три твари.

Размером с крупного волка, мана-гончие были покрыты не шерстью, а плотными, наслаивающимися друг на друга, как уродливая чешуя, костяными пластинами. Их вытянутые морды не имели глаз — только широкие щели ноздрей и пасть, усеянная кривыми, прозрачными игловидными зубами. Вдоль их позвоночников пульсировал тусклый фиолетовый свет — переработанная мана, которую они сожрали из кристаллов. Монстры дышали со свистом, словно их легкие были забиты битым стеклом.

Одна из тварей, выдрав кусок дерева из баррикады, замерла. Она повела слепой мордой из стороны в сторону, словно что-то почувствовав. Нико замер, слившись с тенью стены. Его сердце билось ровно. Отмеряя секунды до бойни

Он медленно поднял левую руку и стянул толстую кожаную перчатку.

Прохладный воздух пещеры коснулся обнаженной кожи. Под кожей, словно живая, заворочалась чернота. Она не имела формы, но Нико физически чувствовал ее болезненный,

сводящий с ума голод. Это проклятие. Абсолютная пустота, требующая заполнения. Аномалия, которой не должно существовать в природе. Словно черная дыра, запертая в сосуде из плоти и крови.

Стоило ему посмотреть на свою голую ладонь, как перед глазами, перекрывая реальность, вспыхнуло навязчивое воспоминание. Паническая атака, от которой он так и не смог вылечиться.

«...Запах гари. Вкус пепла на губах. Звон в ушах после взрыва артефакта. Нико лежал на обломках храма, не чувствуя собственного тела. Внутри него там, где раньше находился источник магии, образовалась «черная дыра». Он задыхался. — Капитан! Хвала небесам, вы живы! Чьи-то руки потянули его за плечи. Это был Элиас, совсем молодой парнишка из его отряда, маг-целитель. Его ладони светились мягким зеленым светом исцеляющей магии. — Сейчас, капитан, я залатаю вас... — Нет... — попытался прохрипеть Нико, чувствуя, как голодная, черная дыра внутри него содрогнулась от чужой магии. — Не трогай... Но Элиас уже прижал светящиеся руки обнажённой и раненой груди Нико. То, что произошло дальше, будет сниться Нико до конца его дней. Пустота внутри него бросилась на свет. Она не просто поглотила целительную магию Элиаса. Она ударила в ответ по каналу связи. Нико почувствовал, как его собственное тело выгибается дугой, а Элиас издает нечеловеческий вопль. Контакт длился секунду. Но Антимagia

выжгла мальчишку изнутри. Она проникла в его нервную систему, сварив мана-каналы и обратив всё в пепел. Глаза Элиаса лопнули, кожа почернела, словно обугленная бумага. Он упал замертво, а Нико, захлебываясь рвотой, отползал от дымящегося трупа того, кого клялся защищать. Он стал чудовищем.

Тварь фыркнула, потеряв интерес к пустоте, из которой пришел Нико, и снова вонзила когти в дерево. Люди за баррикадой закричали. Наваждение рассеялось, оставив после себя лишь холодный пот на лбу.

— Пора, — прошептал Нико одними губами.

Он сорвался с места. Без магического ускорения, но с идеальными рефлексамии тренированного солдата. Три быстрых, бесшумных шага.

Нико не стал бить кулаком — костяную броню просто так не пробить. Вместо этого он скользнул под лапу ближайшей гончей, с силой вгоняя свою обнаженную левую ладонь прямо в пульсирующий фиолетовым светом хребет твари.

Контакт.

Мир вокруг Нико содрогнулся. Фиолетовое свечение вдоль позвоночника гончей замерло, а затем начало стремительно чернеть, словно в чистую воду попали чернила. «Пожирающая Тень» дорвалась до пищи, всасываясь в ладонь Нико. Дым жадно, как паразит, вгрызся в тело зверя.

Процесс был чудовищным. Антимагия не просто забирала силу — она инвертировала ток маны внутри существа, обра-

щая ее против владельца. Нервная система твари вспыхнула изнутри. Нико чувствовал, как под его ладонью заживо ваяются внутренности монстра, как лопаются кровеносные сосуды и обугливаются нервные окончания.

Вместе с тем боль ударила в голову Нико раскаленным гвоздем. Он стиснул зубы до скрипа. Мышцы его собственной руки свело судорогой, словно по венам пустили битое стекло. «Тень» жрала чужую ману, но его мозг вынужден был пропускать через себя и обрабатывать предсмертную агонию существа. Это была цена за использование «проклятия».

Гончая не успела даже заскулить. Костяная броня твари пошла сетью глубоких трещин. Форма потеряла целостность. Как только дым выжег ее изнутри, монстр просто осыпался серым прахом и сухими костями прямо под ногами Нико.

Две оставшиеся твари резко обернулись. Они не видели Нико, но они почувствовали всплеск абсолютного ничто. Аномалию в пространстве. Смерть, стоящую в метре от них.

Это привело их в ярость. Ближайшая гончая оттолкнулась мощными задними лапами и прыгнула в пустоту, ориентируясь на звук падающих костей.

Нико едва успел уйти перекатом. Когти зверя высекли искры из камня там, где он стоял секунду назад. Правая рука, затянута в перчатку, действовала на автомате, перехватывая лапу твари, в то время как голая левая кисть все еще дымила, требуя большего.

Вторая гончая бросилась сбоку. В узком пространстве уклониться было невозможно. Тварь сбила его с ног, тяжесть ее туши выбила из легких Нико весь воздух. Клацающие челюсти оказались в дюйме от его лица. Зловонное дыхание ударило в нос.

Нико зарычал, вбивая голую левую ладонь прямо в слепую, костяную морду монстра.

Вторая волна Антимэгии ударила по его нервной системе с удвоенной силой. Тень прошла через череп твари насквозь. Нико закричал — не вслух, крик застрял где-то в горле. Он чувствовал вкус чужой магии. Грязный, землистый, отдающий первобытной яростью. Глазницы монстра вспыхнули черным светом, тело свело жесточайшей судорогой. Через секунду гончая обмякла, и ее кости с сухим треском осыпались на грудь Нико.

Оставалась еще одна.

Нико сбросил с себя останки и тяжело поднялся. Левая рука дрожала так сильно, что он не мог сжать пальцы. В голове гудело, словно рядом непрерывно били в колокол. Из носа пошла тонкая струйка горячей крови, которая тут же начала остывать на губах.

Последняя тварь пятилась, щелкая зубами. Ее примитивный мозг не понимал, что происходит, но инстинкты кричали об опасности.

Нико глубоко вдохнул спертый воздух шахты, готовясь к новой порции боли. Глаза бывшего капитана были холодны-

ми и пустыми.

— Ну давай, — прошептал он. — Иди к папочке!

Третья гончая взревела. Инстинкт самосохранения проиграл животному голоду и ярости. Тварь оттолкнулась от земли, бросившись вперед и метя усеянной иглами пастью прямо в горло Нико.

Встречать лоб в лоб тушу весом под сотню килограммов без магического усиления было бы самоубийством — инерция просто сломала бы ему шею.

Нико резко ушел в сторону и вниз, падая на правое колено. Клацающие челюсти сомкнулись на пустом месте, а тяжелое костяное тело пролетело прямо над ним. В эту долю секунды Нико выбросил левую руку вверх, намертво вцепившись обнаженными пальцами в мягкое, незащищенное пластинами брюхо зверя.

Мощная инерция прыжка рванула Нико следом. Тварь с грохотом рухнула на камни, увлекая бывшего капитана за собой. Они клубком покатались по грязному полу, сминая брошенные корзины. Камень больно ударил Нико под ребра, выбивая дух, но он не разжал хватку, вдавливая пальцы глубоко в плоть монстра.

Контакт.

Третий удар по нервной системе едва не лишил Нико сознания. Боль была ослепляющей, мир перед глазами пошел красными пятнами. В ушах протяжно зазвенело. Он буквально чувствовал, как под его ладонью закипает мана, как

рвутся и сгорают внутренние органы твари. Гончая забилась в диких, неконтролируемых конвульсиях, раздирая когтями землю вокруг себя. Она пыталась вырваться, отстраниться от этого источника абсолютной смерти, но Нико навалился на нее всем своим весом, позволяя пустоте выпить всё до последней капли.

Спустя мучительно долгие секунды тело гончей под ним обмякло и рассыпалось, обдав Нико удушливым облаком серого праха и костной пыли.

Нико тяжело перевернулся на спину, глотая ртом пыльный воздух. Его колотило в лихорадке. Левая рука повисла плетью, кожа на ней горела, словно после сильного ожога. Бок ныл после падения на камни. Дыхание вырывалось из груди с хриплым свистом. Он торопливо, непослушными пальцами правой руки достал из-за пояса перчатку и натянул ее обратно на левую кисть. Спрятал проклятие. Отрезал его от мира.

По ту сторону деревянного завала скрипнули доски.

— Э-эй?.. — раздался дрожащий мальчишеский голос, эхом разнесшийся по пещере. — Боги милосердные... оно сдохло? Там кто-нибудь есть?

Нико замер, закрыв глаза. Свидетели.

Он с трудом поднялся на ноги, тяжело опираясь плечом о стену. Инквизиции не нужны доказательства. Им хватит и слухов о человеке, убивающем тварей без единого заклинания, оставляющем после себя лишь пепел.

Нико подошел вплотную к завалу. Он не стал кричать. Он заговорил тихо, но так, чтобы каждое слово проникало под кожу сидящим в темноте людям.

— Твари мертвы, — произнес он холодным, мертвым голосом, лишенным интонаций. — Но, если хоть один из вас высунет нос из-за баррикады раньше, чем первые лучи солнца коснутся входа в шахту... я буду ждать вас снаружи. И то, что я сделаю с вами, заставит вас молиться, чтобы вас сожрали гончие. Вы поняли меня?

За баррикадой повисла гробовая тишина. А затем кто-то торопливо и сбивчиво пропищал.

— П-поняли, господин наемник! Клянемся Светом, мы и шагу не ступим!

— Вот и сидите во тьме, свет вам здесь не помог, — процедил Нико.

Он развернулся и, стараясь ступать бесшумно, зашагал прочь из шахты. Когда он выбрался на поверхность, снегопад уже прекратился. Ночное небо было кристально чистым, усыпанным равнодушными, холодными звездами. Морозный воздух приятно остудил разгоряченное лицо.

Он сделал то, что должен был. Система не нарушена. Завтра шахтеры расскажут байку о суровом наемнике, а солдаты гвардии припишут заслугу себе. Его тайну никто не узнает.

Но когда Нико спустился к окраине деревни, его шаг замедлился. У дверей старого амбара, где он оборудовал себе мастерскую, стояла темная фигура. Огонек курительной

трубки тускло мерцал в темноте.

Историк его ждал. Он медленно выдохнул ароматный дым и с легкой, почти сочувствующей усмешкой оглядел перемазанного костной пылью и сажей Нико.

— Выглядишь даже хуже, чем те, кого ты спасал, Капитан.

Том 1 Глава 3 — Идеальный механизм

Ветер стих. У дверей амбара, опираясь на обледенелый косяк, стоял Историк. Огонек его курительной трубки тускло мерцал во тьме, выхватывая из мрака впалые тени под скулами и глаза, в которых огонёк трубки не отражался.

Нико остановился в пяти шагах. Он был жив — вопреки всему, что пыталась с ним сделать жизнь за последние годы. Только что голыми руками выпотрошил трёх мана-гончих. Но сейчас, глядя на этого человека, бывший капитан гвардии почувствовал, как по спине пополз ледяной пот.

Дело было именно в инстинктах. Тех самых глубинных, звериных рефлексах ветерана, которые не раз спасали ему жизнь на поле боя. Сейчас они буквально вопили, требуя немедленно отступить. Историк просто стоял у двери, не излучая ни капли агрессии или магии, но снежинки, падающие с крыши, словно огибали его фигуру по неестественной дуге. Воздух вокруг незнакомца казался слишком плотным, тяжелым, как перед грозой. На секунду Нико всерьез усомнился, можно ли вообще назвать существо, скрывающееся под маской странствующего историка, человеком.

Кроме того, Нико слишком хорошо знал цену любой ошибке. Проклятие, пожравшее его магию, не гнездились

только в руках. Оно таилось под всей его кожей. Стоило любому существу, обладающему хоть искрой маны, коснуться его обнаженной кожи — и пустота внутри мгновенно сорвется с цепи, выжигая неосторожного изнутри. Именно поэтому он носил высокий воротник и никогда не снимал плотных перчаток при чужаках. Но сейчас, под пронизывающим взглядом Историка, Нико казалось, что никакие слои ткани и кожи его не защитят.

— Кто ты такой? — хрипло спросил Нико, не убирая правую руку от пояса.

Историк выдохнул струйку ароматного вишневого дыма.

— Я же говорил. Я Историк, люблю наблюдать за историями этого мира, — мягко ответил он, делая шаг в сторону и приглашающим жестом указывая внутрь амбара Нико. — Зайдем? Твоя тайна буквально выжигает тебе вены. Тебе нужно сесть.

Стиснув зубы, Нико переступил порог собственной мастерской. Историк вошел следом и щелкнул пальцами. Одинокая масляная лампа на столе вспыхнула сама собой, хотя в этом жесте не было ни грамма маны. Нико бы почувствовал. Тусклый рыжий свет выхватил из темноты верстак, заваленный стружкой, ряд стамесок на стене и низкий, просевший потолок с почерневшими балками. По углам остались тени — густые, неподвижные, словно лампа не смогла их прогнать.

Историк по-хозяйски опустил на старый деревянный

стул, закинув ногу на ногу.

— Три гончие, — произнес он, оглядывая потрепанный вид Нико. — Грязная работа. Особенно для того, кто когда-то был виртуозом.

Нико тяжело опустился на сундук у стены. Левая рука, принявшая на себя основной удар Антимагии, все еще безвольно висела, надежно скрытая перчаткой, подрагивая от фантомной боли.

— Откуда ты знаешь, кем я был?

— О, Нико, в Империи Элидия не так много магов, способных смешивать стихии. Вся магия этого мира основывается на потоках. Мана течет через природу в тело, тело формирует заклинание и возвращает энергию миру. Идеальная гармония. Вспомни, как это было? — Историк прикрыл глаза, словно читая по памяти старую книгу. — Вода и Ветер. Ты не просто замораживал воду, ты управлял самим холодом, разнося ледяные иглы на крыльях урагана. Магия была для тебя дыханием. Искусством.

Историк открыл глаза, и его взгляд стал цепким, неподвижным.

— А то, что в тебе сейчас... Это не искусство. Это аномалия. Абсолютный вакуум. Черная дыра, которая не обменивается энергией с миром, а просто пожирает ее, разрушая саму суть вещей. Я наблюдал, как ты убивал гончих. Это было отвратительно, болезненно и... совершенно великолепно.

— Это проклятие, — прорычал Нико, сжимая здоровую

руку в кулак. — Я убиваю любого, к кому прикоснусь.

— Это переменная, — поправил его Историк, постучав трубкой по столу. — Но для всего остального мира, благодаря стараниям вашей глубокоуважаемой Церкви, это носит совсем другие имена. Скверна. Увядание. Гниль. Болезнь. Не так ли?

Нико отвёл взгляд. Уставился на стамеску, висящую на гвозде, — и вместо стамески увидел площадь в городе Карнис. Одну из многих. Столбы, обложенные хворостом. Женщина, которая перестала кричать раньше, чем занялось пламя — просто обмякла в верёвках, и ветер трепал её волосы, ещё не успевшие загореться.»

— Нам говорили, что это неизлечимая, заразная болезнь, — глухо произнес Нико, впиваясь взглядом в потертые доски пола. — Что она передается через кровь, разлагает ману окружающих и превращает людей в демонов. Будучи капитаном, я лично руководил зачистками. Если Инквизиция находила в трущобах хотя бы одного «больного», мы оцепляли квартал. Мы сжигали целые семьи. Я смотрел в глаза этим людям и... искренне верил, что совершаю благо. Что очищаю мир от болезни. А они просто плакали и просили пощады. У них не было магии, но они не были монстрами. Монстрами были мы.

— Они были угрозой, — Историк подался вперед, и в его глазах зажегся тот особенный блеск, который появляется у людей, добравшихся до любимой части истории. — Угрозой

не для мира. Для тех, кто им правит. И вот тут начинается самое красивое.

Он поднял трубку, очертив ею в воздухе круг, словно дирижёр перед оркестром.

— Скажи мне, капитан, на чём стоит Империя?

Нико криво усмехнулся.

— Армия и Церковь.

— Мечи и вера, — кивнул Историк. И тут что-то в его лице изменилось. Спокойная ирония уступила место чему-то почти жадному, голодному — словно он увидел перед собой разложенную шахматную партию и не мог удержаться, чтобы не разобрать её вслух. — Государство — это механизм, Нико. Две шестерни. Первая — Армия. Мечи Императора. Грубая сила, границы, чернь. Скучно, — он отмахнулся трубкой. — Необходимо, но скучно. А вот вторая шестерня...

Он прикрыл глаза и качнул головой, словно слушал музыку, которую больше никто не слышал. А потом открыл их — резко, как человек, который наконец добрался до любимого места в книге, — и голос его окреп, зазвенел в холодном воздухе амбара.

— Вера. Церковь. Инквизиция.

Он чеканил каждое слово, словно вбивал гвозди.

— Вот где настоящее мастерство. Они убедили целый мир, что мана — это благословение Света. Что чем больше магии, тем ближе вы к богам. А если магии нет — ты грязь, и место тебе под сапогом. И крестьянин верит. Он сам встаёт

на колени. Добровольно. Ему даже не нужно объяснять почему. Он верит, без единого меча у горла. Это же... — Историк развёл руками, и в его глазах горело неподдельное восхищение, — ...совершенство!

Взгляд его на мгновение расфокусировался, словно Историк смотрел сквозь стены амбара куда-то очень далеко.

— Если бы только он смог увидеть этот мир... — пробормотал незнакомец, и в его голосе мелькнуло что-то непривычное, почти нежное.

Но в следующую секунду Историк уже снова смотрел на Нико — остро, насмешливо, — и момент прошёл, как и не было.

Историк подался вперед. Пространство вокруг него словно уплотнилось, стало физически тяжелым, вдавливая Нико в сундук. Пламя лампы дрогнуло и наклонилось к Историку, словно притянутое его дыханием. Тени на стенах сместились — медленно, неправильно, не туда, куда должны были.

— А теперь подумай, — голос Историка стал тихим, почти ласковым. — Что происходит с этой верой, когда появляется человек, способный одним касанием убить Высшего Жреца?

Нико замер. Мысль, которую он гнал от себя месяцами, наконец встала перед ним в полный рост.

— Антимагия... отрицает их божественность, — медленно произнёс он.

— Поэтому они называли её болезнью, — закончил Исто-

рик. — Ты для них не дезертир, Нико. Ты — ересь, способная обрушить Империю.

— Я мертв, — отрезал Нико, выдерживая тяжелый взгляд незнакомца. Чувство вины разрывало его изнутри, но он заставил голос звучать ровно. — Капитан Нико погиб во время подавления бунта в руинах старого храма. Вместе со своим отрядом. Я ни во что не вмещаюсь. Я строгаю дерево.

— И долго ты собирался лгать самому себе? — Историк усмехнулся, но улыбка не коснулась его глаз. — Ты думаешь, что сбежал? Ты думаешь, те солдаты-гвардейцы, что приперлись в деревню, просто сопровождают налоговый караван?

Нико замолчал. Недавнее чувство сытости от переработанной маны разом сменилось тошнотой.

— Очнись, капитан, — жестко бросил Историк. — Церковь не забыла тот взрыв артефакта. Инквизиция почуяла рождение твоей "Скверны" в тот самый миг, когда ты случайно выжег изнутри своего собственного целителя, а вместе с ним и целый отряд Инквизиции, который был рядом.

Упоминание Элиаса ударило точнее, чем когти мана-гончей.

— Они шли по твоему следу месяцами, — продолжал добивать Историк. — Ищейки Инквизиции идут прямо за гвардией. Гвардейцы в трактире — это загонщики. Они здесь, чтобы оцепить территорию. А завтра на рассвете в деревню въедут храмовники. Они сожгут эту деревню дотла. Каждого мужчину, женщину и ребенка. Так же, как ты когда-то сжи-

гал кварталы. Просто чтобы убедиться, что "ересь" не успела распространиться.

Нико медленно поднялся. Стены мастерской словно поплыли. Он вдруг отчетливо, до рези в носу почувствовал запах гари — запах тех самых костров, которые он разжигал по приказу Короны.

Нико хрипло, надломленно рассмеялся. Звук разорвал тишину амбара, больше похожий на кашель висельника.

— Идеальный механизм, — с ядовитой горечью выплюнул бывший капитан, глядя на свои обтянутые кожей руки. — Какая чудовищная, безупречная ирония. Я был «идеальным» винтиком этой системы. Я выжигал целые семьи ради иллюзии порядка. А теперь я — та самая зараза, из-за которой Инквизиция раздавит эту деревню. Я привел сюда смерть просто тем, что остался жив.

Он поднял на Историка взгляд, в котором не осталось ничего, кроме глухой ненависти — не к инквизиторам, а к самому себе.

— Они сожгут в домах тех самых мальчишек-шахтеров, которых я только что вытащил из-под когтей гончих. И знаешь, что самое страшное в этой истории? — голос Нико упал до опасного, змеиного шепота. — Будь я на месте командира храмовников... я отдал бы точно такой же приказ.

Историк медленно, с искренним удовольствием захлопал в ладоши. Звук был сухим и коротким.

— Bravo, Капитан. Вы наконец-то начали понимать суть

трагедии. И что же вы будете делать с этим пониманием?

— Зачем ты мне это рассказываешь? — тихо спросил он.
— Кто ты?

— Я тот, кто любит интересные истории, — Историк откинулся на спинку стула, вновь становясь расслабленным аристократом. — А история палача, который стал жертвой, но позволил убить невинных ради собственного мнимого покоя — это жалкая история.

Незнакомец поднялся, поправив воротник плаща. Давящее ощущение в комнате слегка ослабло, но чувство первобытной угрозы никуда не ушло.

— У тебя есть время до рассвета. Ты можешь собрать вещи и убежать в горы, оставив этих глупых шахтеров и крестьян гореть на кострах Инквизиции. Это логично. Это безопасно.

Нико тяжело покачал головой. Взгляд его аметистовых глаз оставался ледяным.

— Я не стану устраивать бойню в деревне, — сухо ответил бывший капитан. — Если я устрою резню и покажу эту силу при свете дня, Церковь пришлет сюда всю армию. Они выжгут не только деревню, но и все живое на сотни миль вокруг. Я больше не играю в героев.

Историк остановился у приоткрытой двери. На его лице мелькнула тень разочарования, которая тут же сменилась понимающей, хитрой усмешкой.

— Прагматично. Значит, ты позволишь им сгореть?

— Я дам им выбор, — жестко отрезал Нико. — Я пойду по домам и скажу им правду.

— И ты искренне веришь, что они послушают ночные бредни деревенского плотника? — иронично выгнул бровь Историк.

— Нет, — сухо и безжалостно ответил бывший капитан. — Большинство пошлет меня. Трактирщик ни за что не бросит свои запасы эля и медные монеты. Старики скажут, что родились в этой грязи, в ней и помрут. Матери побоятся тащить грудных детей в ночную метель, надеясь, что храмовники пощадят хотя бы их. Они не пощадят.

Нико сжал челюсти. Взгляд его аметистовых глаз потемнел, отражая усталость.

— Из сотни человек мне поверят в лучшем случае десяток. Самые отчаявшиеся. Шахтеры, которые сегодня уже смотрели смерти в глаза. Остальные останутся запирают двери на засовы и молиться Свету. А на рассвете превратятся в пепел. И я знаю это.

— Я не герой, — закончил Нико. — Я не стану тащить их в горы силой. Тот десяток, что уйдет — это максимум, который я могу предложить, чтобы окончательно не свихнуться. Это не спасение. Это подачка моей собственной совести.

Историк тихо, одобрительно хмыкнул, вслушиваясь в эту мрачную исповедь.

— Подожди, — Нико сделал шаг вслед за незнакомцем. — Ты знаешь о мире больше, чем кто-либо. Ты знаешь, что

это такое. Скажи мне... есть ли способ избавиться от этого проклятия? Вернуть все назад?

Историк обернулся. В тусклом свете масляной лампы его глаза блеснули потусторонним золотом.

— Я уже говорил тебе. Это не проклятие. Это дар. Дар моего «...», кхм.

Незнакомец осекся, пробормотав последнее слово так тихо, что Нико не смог его разобрать. Историк слегка качнул головой, словно отгоняя неуместную мысль, и на его губах вновь заиграла загадочная полуулыбка.

— Я не дам тебе ответов. Но я дам тебе подсказку, — голос Историка стал глубоким, обволакивающим, заполняющим собой все пространство амбара. — Если хочешь понять суть своей силы и найти правду об этом мире... узнай *«Имена Павших»*.

— Имена кого? — нахмурился Нико. — Что это значит?

— Узнай *«Имена Павших»*, — повторил Историк, делая шаг за порог. Метель на улице, казалось, расступилась перед ним. — А пока... покажи мне интересную историю, Капитан Нико.

Историк отступил во тьму, и его фигура просто начала таять. Он не ушел и не растворился в тенях с помощью магии — он словно стал частью самого ночного тумана, оставив после себя лишь легкий запах вишневого табака.

Нико моргнул. Улица была абсолютно пуста. Ни следов на снегу, ни силуэта вдали.

Тяжело выдохнув, Нико вернулся в амбар. Времени на раздумья о загадках Историка не осталось. До рассвета было не больше двух часов.

Он подошел к сундуку. Достал из него старый походный мешок, быстро закинув туда огниво, сухари, моток веревки и несколько бинтов. Затем его взгляд упал на темный угол мастерской. Туда, где под грудой старого тряпья лежала замотанная в промасленную ткань армейская глефа.

Нико понимал, что магия больше не течет по его венам, чтобы напитать лезвие ветром или покрыть его льдом. Но сталь остается сталью. А вес оружия в руках — это единственное, чему он еще мог доверять.

Закинув мешок на плечо и прицепив к поясу тяжелый тесак, Нико подхватил глефу.

Он вышел из амбара на морозный воздух. Нужно было обойти дома. Начать с дома шахтеров, чей избитый старшина валялся днем на площади.

Нико остановился на крыльце, окинув взглядом спящую деревню. Луна вышла из-за туч, и снег на крышах отсвечивал синим, мертвенным светом. Покосившиеся срубы стояли плотно, плечом к плечу, словно сбились в кучу от холода. В окне крайнего дома — дома старой Марты — ещё горел огонёк, тёплый, медовый, живой. Где-то лениво брехала собака. Завтра здесь останутся только черные, дымящиеся остовы труб.

Он знал, что идет на безнадежное, унижительное дело.

Ему придется стучать в двери, будить уставших, озлобленных людей, смотреть в их заспанные лица. Он будет слушать ругань и проклятия в спину от тех, кого пытается вытащить из петли. И он не сможет их винить.

Перехватив тяжелое древко глефы, Нико шагнул в темноту. Он даст им шанс.

А затем навсегда покинет эту деревню.

Том 1 Глава 4 — Пепел и Снег

Стук в грубую деревянную дверь прозвучал сухо и требовательно.

Нико не стал ждать ответа. Он нажал на щеколду и шагнул в полумрак избы. Тусклый лунный свет из узкого оконца едва дотягивался до середины комнаты, выхватывая из темноты грубо сколоченный стол, лавку с наваленным тряпьем и закопчённый потолок — такой низкий, что Нико пришлось пригнуть голову. В углу тлели угли в глиняной печи, бросая на стены красноватые, танцующие тени.

В дальнем углу, на соломенном тюфяке, заворочался человек. Это был тот самый старшина шахтёров. Он лежал на боку, подтянув колени к груди — спать на спине не давали рёбра, отбитые гвардейским сапогом на площади. Услышав скрип двери, старшина дёрнулся, с трудом приподнялся на локте, хватаясь за бок, и потянулся к топору у изголовья.

— Тихо, — негромко, но властно произнес Нико.

Он шагнул в полосу тусклого лунного света. В полумраке его глаза блеснули холодным, нездешним светом, заставив шахтера замереть. В этом взгляде не было ничего от молчаливого, отстраненного плотника, которого знала деревня. На старшину смотрел человек, привыкший отдавать приказы, после которых люди либо выживали, либо умирали.

— Господин... плотник? — хрипло выдавил старшина,

опуская топор. — Вы чего по ночам бродите?

— Слушай внимательно и не перебивай, — рублеными фразами начал Нико. — Твари в шахте мертвы. Но это ваша меньшая из проблем. Гвардейцы в трактире — это не сборщики налогов. Это загонщики Инквизиции. На рассвете сюда войдут храмовники.

Шахтер побледнел. Даже на окраине Империи Элидия слово «Инквизиция» вызывало первобытный ужас.

— Но... за что? — пролепетал он, хватаясь за голову. — Мы же исправно платим десятину Церкви! Мы чтим Свет!

— Вы нашли слишком чистую ману. Или кто-то из ваших детей проявил признаки «Скверны». Для Церкви причина не важна, — холодно отрезал Нико. — Важно то, что они сожгут деревню вместе со всеми жителями. До рассвета остался час. Собирай своих людей. Только тех, кто может идти быстро и не будет истерить. Уходите горными тропами на север. А также заберите детей из пещеры.

— Вы в своем уме?! — старшина спустил ноги с тюфяка, в его голосе прорезалась злость. — Бросить дома? В такую стужу? А если вы врете? Если вы просто спятили?! Идти в горы ночью — это верная смерть!

Нико даже не пошевелился. Он смотрел на шахтера сверху вниз спокойным, тяжёлым взглядом, в котором не было ни капли сочувствия. Только голый прагматизм.

— Останетесь здесь — сгорите заживо во славу Сияющей Истины. Уйдете в горы — у вас будет шанс выжить. Я вас

предупредил. Что делать с этой правдой — решайте сами.

Нико развернулся и вышел в морозную ночь, неплотно притворив за собой дверь. Он не собирался никого уговаривать. В прошлой жизни он пытался спасти всех. И эта привычка стоила многим жизни.

Он обошел еще несколько домов. В некоторых ему не поверили, прогнав прочь и обозвав безумцем. В другом жила молодая вдова с двумя детьми — она ничего не спросила, просто молча начала собирать теплые вещи.

Завершив обход, Нико покинул деревню.

Он не пошел по тракту. Двигаясь старой охотничьей тропой, он поднялся на лесистый хребет, нависающий над поселением. Снег доходил до колен. Наст ломался под сапогами с сухим хрустом, и каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Еловые ветви цеплялись за глефу на спине, осыпая шею колкой ледяной крошкой. Но Нико шагал ровно, экономя силы. Добравшись до выступа скалы, густо поросшего ельником, он остановился. Отсюда деревня была видна как на ладони.

Внизу, у кромки леса, он заметил движение. Темные силуэты, спотыкаясь в снегу, уходили прочь от домов. Старшина шахтеров все-таки поверил ему. Он увел с собой около двадцати человек — в основном своих рабочих и их семьи. Они двигались медленно, но целенаправленно уходя в спасительную тень гор. Нико не собирался к ним присоединиться. Рядом с ним находиться куда опаснее, чем замерзнуть в лесу.

Остальная деревня спала. Большинство жителей не пове-

рило и не стало слушать ночные истории плотника.

Рассвет разорвал ночное небо над горизонтом грязной, кроваво-серой полосой.

И вместе с первыми лучами солнца на южном тракте появились они.

Нико присел на корточки, инстинктивно укрываясь за ветвями ели. Глаза сузились.

Их было немного. Около дюжины храмовников в сверкающих серебром латах верхом на бронированных боевых конях. Их доспехи были покрыты рунами, которые слабо мерцали, отгоняя мороз. А в центре кавалькады ехала повозка, запряженная белыми волами. В ней стоял человек в ослепительно белых рясах с золотым шитьем. Жрец Инквизиции.

Они не стали трубить в рога. Не стали будить жителей или созывать старосту. Они приехали не судить. Они приехали исполнять приговор.

Гвардейцы, которые ночевали в трактире, выбежали на площадь, торопливо строясь и отдавая честь прибывшим. Офицер гвардии, тот самый, что вчера пинал шахтера, подбежал к повозке Жреца, радостно докладывая, что территория оцеплена.

Нико сжал челюсти так сильно, что скрипнули зубы. Внутри левой руки, под перчаткой, глухо заворочалась Тьма. Она почуяла колоссальный объем магии, собирающейся у входа в деревню.

Жрец Сияющей Истины даже не удостоил офицера гвар-

дии взглядом. Он просто поднял сухую, старческую руку, узланную тяжелыми золотыми кольцами.

Воздух над деревней дрогнул. Нико, даже находясь на скале, почувствовал, как резко упало давление, заложив уши. Мана в природе исказилась, послушно собираясь вокруг ладони священника — сначала тонкими, почти невидимыми нитями, потом гуще, плотнее, стягиваясь к старческой руке, как вода в воронку.

Нико видел этот заклинательный конструкт сотни раз. «Очищающее Пламя». Высшая магия огня и света.

Нико вжался в скалу. Пальцы впились в мёрзлый камень, ногти скребнули по наледи.

Над ладонью Жреца соткался шар — сначала размером с кулак, тускло-белый, как зимнее солнце за облаками. Потом он начал расти. Набух, загустел, стал ослепительным — настолько ярким, что Нико пришлось прищуриться, и даже сквозь сжатые веки белый свет резал глаза. Шар гудел. Низкий, глухой гул, от которого мелко задрожала скала под ногами, а с ближайших елей посыпался снег.

Храмовники не шелохнулись. Ни один конь не дёрнул головой, ни один всадник не отвёл взгляда. На лицах, обрамлённых серебряными шлемами, застыло одно и то же выражение — тихое, бесстрастное благоговение, с каким верующий стоит перед алтарём. Они не казнили. Они совершали священный обряд. И деревня была их жертвоприношением.

Жрец раскрыл ладонь. Шар оторвался от его руки и воз-

нёсся в предрассветное небо — медленно, торжественно, неотвратно. Он завис над деревней, нестерпимо белый, как второе, жестокое солнце.

Мир замер. На долю секунды деревня стала пронзительно чёткой — каждый сруб, каждый забор, каждая ледяная сосулька прорисованы белым светом до мельчайшей трещины. Где-то внизу скрипнула дверь — кто-то из жителей выглянул на свет, не понимая, почему ночь вдруг стала днём.

А потом шар рухнул.

Сначала пришла волна. Незримая, беззвучная в первое мгновение — и оттого ещё страшнее. Она обрушилась на деревню сверху, придавив её к земле всей своей тяжестью. Двери вылетели из петель. Ставни сорвало с крючьев, и они закружились в воздухе щепками. Снег на крышах мгновенно обратился в пар, взметнувшись белыми столбами в утреннее небо. Земля содрогнулась — даже сюда, на скалу, докатился глухой гул, от которого заныли зубы и заломило виски.

За волной пришёл огонь. Белое пламя хлынуло от точки удара во все стороны, пожирая всё на своём пути. Это не был обычный пожар. Пламя не жгло — оно стирало. Дерево обращалось в прах мгновенно, минуя стадию горения. Камень тёк, как воск. Воздух над деревней раскалился настолько, что дрожал и плыл, превращая силуэты домов в оплывающие тени.

Первыми погибли гвардейцы на площади. Пламя накрыло их мгновенно — они не успели даже опустить руки. На

долю секунды Нико увидел их силуэты — белые, полупрозрачные, ещё сохраняющие форму поднятых в приветствии рук, — прежде чем они осыпались невесомым пеплом. Все до единого. Одна секунда.

Офицер гвардии — тот самый, что радостно докладывал мгновение назад, — остался стоять. Его не тронуло. Ему просто повезло. Он стоял у повозки Жреца, укрытый защитной магией священника, и видел, как внизу, на площади, его солдаты обращаются в белый пепел. Его братья. Люди, с которыми он делил казармы, еду, эль и походные костры. Люди, которых он знал по именам — стёрты за одну секунду. Рот офицера раскрылся — беззвучно. Глаза метнулись к Жрецу — но старческое лицо оставалось абсолютно спокойным, равнодушным, словно ничего не произошло. Ноги офицера подогнулись, и он рухнул на колени. Не от боли — от понимания.

Потом что-то в нём переломилось. Офицер рванулся с колен, выхватывая меч из ножен — лицо его исказилось, глаза горели слепой яростью. Он бросился к Жрецу с криком, в котором уже не было слов — только хрип человека, которому нечего терять.

Он не успел замахнуться. Храмовник у повозки даже не сдвинулся с места — лишь качнул рукой. Короткий, неуловимый для глаза росчерк серебряного клинка. Тело офицера сделало ещё один шаг по инерции, прежде чем рухнуть в серый снег. Голова покатилась к колёсам повозки.

Жрец даже не посмотрел вниз. Старческая рука всё ещё была поднята, направляя пламя дальше — спокойно, размеренно, как пахарь ведёт плуг по борозде.

Огонь покатился по домам. Стены изб вспыхивали целиком, как бумага, и опали белым пеплом. Крыши складывались внутрь, увлекая за собой балки и стропила. Трактир обрушился первым, просев, как пустая скорлупа. За ним — дом кузнеца, потом два дома у колодца. Огонь двигался кольцами, расширяясь от площади к окраине, не оставляя ничего — ни куска стены, ни обгорелого бревна. Только чёрное, глянцево-гладкое пятно оплавленной породы.

Крайний дом — дом старой Марты — вспыхнул последним. Тёплый медовый огонёк в окне на мгновение слился с белым пламенем, мигнул — и исчез навсегда.

Нико обнаружил, что не дышит. Что забыл выдохнуть, и воздух стоит в лёгких тяжёлым, горячим комком. Он заставил себя разжать пальцы. Заставил себя вдохнуть.

Внизу кричали. Те, кого огонь не достал мгновенно — кто жил на окраине, в домах подальше от площади, — пытались выбежать из горящих изб. Пламя пожирало их прямо на порогах. Храмовники не обнажили мечей — им просто некого было рубить. Они стояли кольцом, спокойно наблюдая, как воля их богов очищает землю от скверны.

Нико смотрел на это, не отрывая взгляда. Лицо его окаменело. Он чувствовал запах горелого мяса — тот самый запах из своего прошлого.

Крики затихли пугающе быстро. Пламя пожирало кислород, не оставляя обречённым даже воздуха для крика. Спустя пятнадцать минут на месте деревни осталось лишь чёрное, дымящееся пятно из расплавленного камня и пепла. Жрец опустил руку. Буднично. Спокойно. Как пахарь, дошедший до конца борозды.

В аметистовых глазах Нико ещё стояло отражение белого пламени, хотя огонь уже погас.

Нико медленно поднялся. Тьма внутри его тела пульсировала от ярости, словно требуя спуститься вниз и пожрать эту белую магию, вырвать её из глотки Жреца.

Но Нико успокоил дыхание, загоня проклятие глубоко под кожу.

— Не сегодня, — тихо произнёс он, глядя на серебряные доспехи Инквизиции. — Не сейчас.

Он отвернулся от уничтоженной деревни. Поправил ремень тяжёлого мешка на плече, перехватил армейскую глефу поудобнее и зашагал в глубь заснеженного леса.

В голове эхом звучали слова Историка — *«Узнай Имена Павших»*.

Нико криво, невесело усмехнулся. Морозный воздух обжёл лёгкие.

— Узнай Имена Павших... — пробормотал он себе под нос. — А дальше что? Выбить их на камне? Пропеть их на площади перед Жрецом? Или, может, написать вежливое письмо Императору с жалобой на плохую погоду?

Это звучало как полный сюр. Бред сумасшедшего аристократа, который решил поиграть чужими жизнями. — *«Покажи мне интересную историю»*, — так он сказал. Нико стиснул зубы. Значит, для этого существа он просто игрушка? Забавная фигурка на доске, которую можно пнуть ради развлечения?

Но фигурки не чувствуют запаха белого пепла. Фигурки не помнят медовый огонёк в окне, который мигнул и погас. И фигурки не знают того, что Нико понял только сейчас — стоя над пеплом деревни, которую пытался спасти.

Самое страшное в этом механизме — не жестокость. Жестокость можно увидеть и назвать по имени. Самое страшное — что он работает руками добрых людей. Жрец внизу не ненавидел эту деревню. Храмovníки не наслаждались криками. Они верили — так же искренне, как когда-то верил сам Нико, — что очищают мир от скверны. Что спасают невинных от заразы. Что исполняют волю Света.

Нико знал это чувство. Он помнил, как стоял над горящими кварталами Карниса и чувствовал не вину, а облегчение. Ещё один очаг болезни уничтожен. Ещё сколько-то невинных спасено. Спи спокойно, капитан.

Человек с совестью — слишком хрупкое оружие. Он начнёт задавать вопросы. Но если превратить совесть в веру, человек становится идеальным мечом. Если человек убьёт ради золота — он знает, что он убийца. Но назови это «Волей Света», дай ему знамя — и он сожжёт тысячи, засыпая каж-

дую ночь со спокойной душой.

Нико усмехнулся — криво, горько, без тени веселья. Он ведь тоже спал спокойно. Все эти годы.

Механизму не нужны монстры. Ему достаточно людей, которые верят.

Нико остановился. В тишине было слышно только его собственное дыхание — рваное, тяжёлое.

Первой, самой логичной мыслью было плюнуть на всё. Уйти глубже в северные горы, найти новую глухую деревню, взять новое имя и снова стать никем. Если нужно — прятаться всю жизнь.

Но запах белого пепла, преследующий его даже здесь, на высоте, говорил об обратном.

Он уже бежал. Восемь месяцев. И деревня сгорела. Если он сбежит снова — сгорит следующая. И ещё одна. И ещё. Инквизиция не остановится. Рано или поздно ему придется либо умереть, позволив светлым фанатикам победить, либо... изменить эту систему.

А чтобы изменить механизм, нужно понимать, как он устроен. Историк дал ему ниточку. И как бы Нико ни бесил этот загадочный наблюдатель, выбора у него не было.

— Ладно, Историк. Будет тебе история, — громко, даже криком произнёс Нико, сбивая сапогом комья снега. — Надеюсь, ты подавишься своим вишнёвым табаком, когда я доберусь до финала.

Он не знал, куда идти. Он не знал, кто такие эти «Павшие»

и почему их имена могут дать ответы. Но у Нико появилась цель, ради которой стоило жить.

И ради которой стоило сражаться.

Том 1 Глава 5 — Семь колец

Дорога на север заняла две недели. Две недели пронизывающего ветра, скудных привалов в заброшенных охотничьих землянках и постоянного ожидания погони.

Путь выдался на удивление тихим. Мана-твари обходили его стороной — то ли чуяли Тьму под кожей, то ли зима загнала их глубже в норы. Бандиты в горах не встретились — слишком высоко, слишком холодно, слишком далеко от торговых путей. Армейские патрули попадались дважды — оба раза Нико замечал их задолго до того, как они могли заметить его. Годы службы научили читать следы на снегу и слышать звон амуниции за версту. Он обходил заставы по лесу, не оставляя следов, и шёл дальше.

За эти две недели ярость, выжигавшая его изнутри после гибели деревни, перегорела и осела чем-то тяжёлым, холодным, рабочим. Не месть — расчёт. Нико научился засыпать с этим новым чувством, как солдат учится засыпать с оружием под рукой.

Но когда Остгард наконец вынырнул из снежной пелены, Нико остановился. И долго стоял, не в силах отвести взгляд.

Северный торговый порт Империи Элидия поражал воображение. Это был не город — монумент. Колоссальное свидетельство того, на что способна человеческая воля, подкреплённая магией и неограниченным запасом человеческо-

го труда.

Город занимал всю бухту. Семь каменных колец, вложенных одно в другое, поднимались от воды к небу — каждое выше, каждое шире, каждое величественнее предыдущего. Не город. Гора, которую кто-то вырезал из скалы и заселил.

По внешнему краю бухты стояли Столпы. Двенадцать арочных колонн, настолько огромных, что облака проходили сквозь их верхние пролёты. Между Столпами были натянуты цепи мостов — тонкие на таком расстоянии, почти невидимые. Снег лежал на карнизах колонн ровными белыми полосами. Тёмный камень, покрытый изморозью и рунами столь древними, что даже жрецы Церкви не могли их прочесть. Говорили, в дни осады руны вспыхивают и между колоннами встаёт щит из чистой маны, непроницаемый для любого оружия. За всю историю Империи Остгард не был взят ни разу.

Нижнее кольцо принадлежало морю. Длинные каменные пирсы уходили в серую воду бухты. Рыбацкие шхуны вмёрзли в лёд, борта торговых барж обросли морозной коркой. Между причалами громоздились склады, верфи, пахнущие смолой даже в мороз, канатные мастерские с распахнутыми воротами. Дым из сотен труб поднимался вертикально в неподвижном воздухе и сливался с туманом, делая нижние ярусы почти невидимыми.

Второе кольцо нависало стеной тёмного камня — так высоко, что люди у подножия казались муравьями. Здесь заканчивалось море и начинался город. Гильдейские дома в три-

четыре этажа, тёсаный гранит, стрельчатые окна в каменной резьбе, тяжёлые дубовые двери в железной оковке. Крыши из тёмного сланца уходили вверх круто, чтобы снег не задерживался. На фасадах — гербы гильдий: молот кузнецов, весы торговцев, перекрещённые топоры лесорубов. Между домами тянулись колоннады имперского стиля — массивные, рифлёные, каждая колонна толщиной с вековой дуб. Капители в форме раскрытых ладоней, держащих каменное пламя. В крытых галереях между колоннами даже зимой шла торговля.

Вдоль третьего кольца тянулись широкие каменные террасы с барельефами — сцены из священных текстов Церкви Света, высеченные так тонко, что даже под снегом угадывались фигуры жрецов и крылатых гонцов. Зимой террасы лежали под ровным белым покрывалом и весь ярус казался облачным кольцом на каменном теле города.

Водопады. Десятки — по краям террас, с яруса на ярус. Широкие, плавные, узкие, стремительные. Некоторые замёрзли — колоссальные столбы голубого льда выше корабельных мачт, сверкающие на солнце. Другие продолжали течь, подогреваемые рунами, и от них поднимался пар, окутывая средние ярусы теплым молочным туманом.

Центральный водопад начинался на вершине — с Седьмого кольца — и проходил сквозь все ярусы насквозь. Каждое кольцо принимало поток в каменную чашу, отделанную бирюзовой мозаикой, задерживало на мгновение и отпуска-

ло дальше вниз. К следующему кольцу. И дальше. Пока вода не обрушивалась с последнего яруса в бухту. Даже зимой он не замерзал — слишком мощные руны, слишком древняя магия. Вода в нём была неестественно прозрачной и слегка светилась изнутри ярким голубоватым светом маны.

Четвёртое кольцо принадлежало Церкви. Архитектура менялась — из торговой становилась священной. Арки в десять человеческих ростов из цельных блоков белого мрамора. Крытые мосты между секциями яруса. На каждом мосту — статуи: воины, жрецы, крылатые фигуры, которых народ почитал за посланников Света, а старые книги называли их богами. Снег лежал на их каменных плечах белыми мантиями. Фасады храмов покрывала резьба — руны, священные символы, растительные орнаменты, настолько тонкие, что один фасад можно было рассматривать часами.

Пятое и шестое кольца терялись в облаках. Только в разрывах мелькало: шпиль, купол, зелень сада. Там, наверху, снег не ложился. Магия держала вечное лето за стенами облаков. Два мира на одной горе — зима внизу, лето наверху.

На самой вершине стоял шпиль Цитадели. Он пробивал облачный слой и сиял в солнечных лучах. Единственная точка города, которую было видно отовсюду. Единственная точка, которая никогда не покрывалась снегом. Днём его верхушка горела белым золотом, а по ночам, говорили, светилась сама.

Нико стоял на перевале и смотрел. Ветер трепал край пла-

ща. Внизу, у подножия этого каменного чуда, в вечной тени нависающих колец, начинался Нижний Город. Туда солнце не доходило. Покосившиеся лачуги, грязные палатки, узкие улицы. Сюда стекались те, чьей маны едва хватало, и те, в ком ее не было вовсе. Обычные люди. Те, кто работал в шахтах, доках и на лесозаготовках, чтобы обеспечить комфорт наверху.

Спустившись с холма, Нико растворился в толпе Внешнего Кольца.

Нищета здесь была абсолютной. Мёрзлая грязь под ногами, покосившиеся халуп из гнилых досок, рваная парусина вместо стен. Вдоль дороги сидели оборванные люди в дырявых одеялах. Дети с ввалившимися глазами провожали каждого прохожего голодным взглядом. Куртка из волчьей шкуры и тёплые сапоги Нико здесь стоили больше, чем человеческая жизнь.

Нико вышел к Главным Вратам, ведущим во Внутренний Город. Огромные кованые створки были открыты, но проход преграждала дюжина солдат в хороших доспехах и двое младших жрецов в серых рясах.

Нико остановился у стены, натянув капюшон пониже, и стал наблюдать.

К воротам подошла семья. Худой мужчина, его жена и двое детей, тащившие тележку с дровами. Мужчина дрожащими руками протянул стражнику медную монету — налог за вход.

Стражник безглаголиво смахнул монету в кошель, а жрец шагнул вперёд, держа в руках гладкий кристалл размером с яблоко.

— Коснись, смерд, — монотонно приказал жрец.

Мужчина приложил грязную руку к камню. Кристалл едва заметно мигнул тусклым жёлтым светом.

— Мана есть, но мало. Рабочий класс. Пропуск в портовый район до заката, — сухо огласил жрец. — Следующий.

Жена мужчины коснулась камня — снова тусклый свет. Но когда к камню потянулся старший мальчик, лет десяти, кристалл даже не мигнул. Он потемнел и пошёл мутными разводами, словно в чистую воду капнули чернил.

Жрец резко отдернул руку. Стражники мгновенно скрестили алебарды перед семьёй.

— Аномалия мана-каналов, — безглаголиво скривился жрец. — Начальная стадия Увядания. Скверна.

— Нет! Милосердный Свет, нет! — мужчина бросился на колени, пытаясь закрыть собой сына. — Он просто простыл! У него жар, господин жрец! Пожалуйста, мы заплатим двойной налог! Нас ждёт хозяин в доках!

— Закон один для всех, — ледяным тоном ответил жрец. — Заражённые подлежат изоляции. Стража, забрать мальчишку в карантинные бараки Инквизиции. Остальных выгнать за Внешнее Кольцо. Соппротивление карается смертью.

Женщина закричала так пронзительно, что Нико невольно стиснул зубы. Солдаты грубо отшвырнули отца ударом

тыльной стороной копыта в лицо, схватили плачущего ребёнка и потащили его за ворота. Младший, лет пяти, вцепился в подол материнской юбки и завыл — тонко, по-щенячьи, не понимая, почему у него забирают брата. Все вокруг знали: карантинные бараки — это место, где Инквизиция изучает «болезнь» перед тем, как очистить больных огнём.

Нико понимал, коснись он этого кристалла, камень не загорелся бы серым. Он бы треснул и осыпался прахом, выжигая ману из самого жреца. Официальный путь в город был для него закрыт.

В этот момент по брусчатке застучали копыта. Толпа у ворот торопливо расступилась, прижимаясь к стенам.

К воротам приближался небольшой отряд столичной гвардии. Чёрные шинели из плотного сукна, наглухо застёгнутые до самого горла на ряд ярких стальных пряжек. Высокие стоячие воротники подпирали подбородки, не позволяя опустить голову — в этой форме нельзя было смотреть вниз, только прямо перед собой. Широкие портупей перехватывали грудь крест-накрест, на левом бедре — ножны, на правом — кожаный подсумок. Длинные плащи из тяжёлой чёрной ткани спускались почти до стремян, и при каждом шаге коня мерно покачивались, обнажая подкладку — тёмно-алую. Сапоги до колен, усиленные стальными наголенниками и коваными набойками. На левом плече каждого всадника — серебряная нашивка с гербом Короны.

Чёрное на чёрном, строгая, безупречная форма импер-

ской армии. Противоположность белым мантиям Церкви. Элита. Они ехали в Верхний Город, минуя все проверки.

Нико вжался в тень арки, надевая капюшон ниже. Он служил в этих войсках. Он мог знать лица этих людей — но куда опаснее было то, что они могли знать его.

Отряд проезжал мимо. Взгляд Нико скользнул по всадникам — и зацепился.

Во втором ряду, чуть позади командира, ехала девушка. Она сидела в седле прямо, с той жёсткой, чуть надменной посадкой. Подбородок поднят, плечи развёрнуты, спина как натянутая тетива. Чёрная шинель сидела на ней безупречно, португепя затянута строго по уставу, плащ спускался с плеч ровными складками. Но даже строгий край военной формы не мог спрятать того, что скрывалось под ней — тонкую талию, перехваченную ремнём, длинную изящную шею, поднимающуюся из высокого воротника, и мягкую, естественную грацию, которую никакая муштра не способна ни выбить, ни подделать. Военная форма сидела на ней не как доспех, а как вечернее платье — подчёркивая каждую линию, вместо того чтобы прятать.

На плечи и спину спускались длинные, до пояса, волосы — настолько светлые, что казались белыми. Серебристые, почти лунные, они резко контрастировали с чёрной тканью шинели, словно кто-то бросил горсть инея на солдатское плечо. Черты лица тонкие, утончённые, с той хрупкой, почти неземной красотой, которая бывает только у высших аристо-

кратических родов — высокие скулы, прямой нос, чуть полные губы и кожа настолько бледная и чистая, что казалась фарфоровой.

Нико не узнал её. Очередная высокородная аристократка на службе Империи.

Но в тот момент, когда её конь поравнялся с аркой, в которой прятался Нико, девушка вдруг повернула голову.

Пронзительные голубые глаза безошибочно выхватили в толпе высокую фигуру в волчьей шкуре. Ветер приподнял край капюшона, обнажив нижнюю часть лица и блеск аметистовых глаз.

Девушка едва заметно вздрогнула. Её рука в перчатке инстинктивно дёрнулась к поводьям, словно она хотела остановить коня. Губы приоткрылись — на долю секунды, не больше.

Но офицер, ехавший впереди неё, громко отдал приказ ускорить шаг. Девушка на мгновение сжала губы, усилием воли возвращая лицу бесстрастное выражение, и отвернулась, направляя коня за ворота.

Нико проводил её взглядом, чувствуя лёгкий укол паранойи. Ему показалось, или она смотрела прямо на него?

Он мысленно прокрутил этот момент в голове. Офицерская выправка, голубые глаза, короткая заминка в движении рук. Она точно что-то заметила. В памяти всплыли образы из Военной Академии, но лица сливались воедино — он тренировался со слишком многими аристократами. А также мно-

гими руководил.

Если она узнала в бродяге погибшего капитана Нико, это катастрофа. Гвардия подчиняется Короне, но всегда плотно сотрудничает с Инквизицией. Один её рапорт — и Остгард перекроют полностью. Ему придётся найти её. Выследить в Верхнем Городе, убедиться, узнала ли она его наверняка. И если да... Нико стиснул зубы. Если да, её придётся устранить. Быстро, тихо, без следов. Иначе его миссия по поиску «Имён Павших» закончится, не успев начаться.

Отвернувшись от ворот, он свернул в самые тёмные и узкие переулки Внешнего Кольца. Бывший капитан гвардии прекрасно знал, что ни одна крепость в Империи не бывает герметичной. Там, где есть жёсткие налоги и дискриминация, всегда есть крысиные норы, по которым течёт контрабанда.

Он шёл по запаху сырости и гниющих водорослей, пока не спустился в глубокий овраг, который служил стоком для нечистот Верхнего Города. Здесь, у массивной железной решётки, вмурованной в каменную стену, стояли двое. Оборванные, но крепкие ублюдки с короткими мечами на поясах. На их шеях виднелись татуировки в виде перекрещённых якорей — знак местной портовой банды.

Увидев Нико, один из них, с наполовину отрезанным ухом, выплюнул жевательный табак прямо ему под ноги.

— Заблудился, путник? — хрипло спросил он, кладя руку на эфес меча. — Дальше хода нет. Сток закрыт по приказу

градоначальника.

— Мне нужно в Нижний Город. Не привлекая внимания жрецов и армии, — спокойно ответил Нико, останавливаясь в двух шагах от бандитов. Из-под капюшона блеснули холодные глаза. — Я знаю, что за этой решёткой начинается старая канализация. Сколько?

Одноухий переглянулся с напарником и криво усмехнулся.

— Умный, значит. Ну, раз ты не хочешь светить своей мордой перед стражей, значит, за тобой есть грешок. Десять серебряных монет.

Это была грабительская цена. На эти деньги во Внешнем Кольце можно было купить небольшой дом.

Нико медленно сунул правую руку за пазуху. Бандиты напряглись, но он достал лишь один серебряный империял и бросил его в снег перед одноухим.

— Это за проход.

Лицо бандита исказилось от ярости.

— Ты что, глухой, ублюдок? Десять! — Он резко шагнул вперёд, выхватывая меч из ножен.

Но Нико был быстрее. Годы армейских тренировок и мышечная память сработали безупречно. Он не стал тянуться к глефе. Шагнув навстречу удару, Нико правой рукой в перчатке перехватил запястье бандита, выкручивая его с тошнотворным хрустом. Одноухий взвыл, роняя меч.

Нико с силой впечатал колено в живот противника, а ко-

гда тот согнулся пополам, обрушил тяжёлый локоть ему на затылок. Бандит рухнул в грязный снег, как мешок.

Второй головорез оцепенел. Он ждал, что незнакомец применит боевую магию, но увидел лишь стремительную, жестокую рукопашную технику армейского образца.

Нико медленно выпрямился. Он посмотрел на второго бандита взглядом, в котором не было ни капли эмоций.

— Подними монету, — тихо приказал Нико. — Открой решётку. Иначе я сломаю тебе обе ноги и оставлю вас здесь мучиться.

Бандит не стал спорить, бросил испуганный взгляд на стоющего напарника и торопливо поднял серебряник. Дрожащими руками он достал из кармана тяжёлый железный ключ и вставил его в ржавый замок решётки. Металл со скрипом поддался, открывая тёмный зев туннеля.

Нико прошёл мимо него в темноту канализации.

Ему нужен был тот, кто держит теневой рынок Остгарда. Тот, у кого оседают слухи, книги и знания, не прошедшие церковную цензуру. Если ответы о «Именах Павших» и существовали, искать их нужно было не в храмах Света — а на самом дне, среди тех, кто давно научился жить в тени.

Том 1 Глава 6 — Сделка

Старая канализация Остгарда представляла собой лабиринт из склизкого камня и ржавых решеток. Нико шел во тьме почти час, пока туннель не расширился, переходя в огромную подземную каверну. Это и был истинный Нижний Город. Теневой рынок, который местные называли «Утопленником».

Каверна поражала размерами — потолок терялся в темноте, а стены уходили так далеко, что дальний конец был не виден. Воздух стоял тяжёлый, спёртый, пропитанный дымом дешёвых жаровен и чадом масляных ламп, развешанных на ржавых цепях. Свет здесь был тусклым, желтоватым, словно само солнце боялось спускаться на дно. Вдоль подземных каналов, в которых лениво текла мутная вода, теснились палатки торговцев краденым, опиумные притоны и бордели. Между палатками бродили люди — оборванцы, контрабандисты, матросы с шрамами вместо лиц. Никто не смотрел друг другу в глаза. Здесь это было не принято.

Нико шагал по узкой, вымощенной из камня улице. Из темных ниш к нему то и дело тянулись разукрашенные куртизанки, чьи лица были скрыты за густыми слоями макияжа, маскирующими следы болезней.

— Эй, красавчик, — промурлыкала одна из них, преграждая ему путь и пытаясь положить руку ему на грудь. В ее

пальцах тускло блеснула крошечная искра розовой маны — слабенкое заклинание очарования. — Хочешь согреться? Всего два медных.

Нико резко, но без лишней жестокости перехватил ее запястье за мгновение до того, как она коснулась его куртки. Его перчатка скрипнула. Аметистовые глаза блеснули из-под капюшона таким холодом, что искра маны в пальцах женщины мгновенно потухла.

— Не стоит, — ровно произнес он, отпуская ее руку. Куртизанка испуганно отшатнулась, растворяясь в толпе.

Ему не нужно было долго расспрашивать дорогу. Любой человек на «Утопленнике» знал, где искать хозяина этого места.

Убежище Бастиана Антиквара располагалось в самом центре каверны — в руинах древнего подземного храма, колонны которого давно ушли под воду. Вход охраняли четверо громил. Двое держали тяжелые двуручные мечи, а еще двое опирались на посохи, наконечники которых слабо пульсировали рунами накопления. Маги Атаки. Наемники, которых вышвырнули из официальных гильдий.

Нико подошел к ним, не опуская рук к оружию.

— Чего надо, бродяга? — хмуро бросил один из мечников. — Сюда с улицы не заходят.

— Передай Бастиану, что у меня есть вопросы о вещах, которые Церковь предпочла бы сжечь, — спокойно ответил Нико, глядя прямо в глаза наемнику. — И скажи, что я при-

шел покупать.

Охранник оценивающе оглядел фигуру Нико. Солдаты умеют узнавать солдат. Кивнув своему напарнику, он скрылся за тяжелыми бархатными шторами, заменявшими храму двери. Через минуту он вернулся и молча дернул головой, приглашая внутрь.

Нико шагнул внутрь.

Руины храма Бастиан превратил в нечто среднее между складом и музеем. Внутри пахло благовониями и старой бумагой. Вдоль стен громоздились ящики с контрабандой, вскрытые и нетронутые. На полках — древние фолианты с потрескавшимися переплётками, магические артефакты, мерцающие тусклым остаточным светом, и стопки свитков, перетянутых бечёвкой.

В тени, у стеллажа с книгами, Нико краем глаза заметил еще одного посетителя. Это был молодой человек в старой накидке, явно пытавшийся сойти за местного бродягу. Но Нико долго служил в столице. Осанка юноши, то, как брезгливо он держал пыльную книгу тонкими, ухоженными пальцами, выдавали в нем аристократа или выпускника Высшей Академии.

За массивным столом из красного дерева сидел сам Бастиан. Это был тучный мужчина с маленькими, хищными глазами. Позади него стояли двое телохранителей. Один крутил кинжал между пальцами, второй стоял неподвижно. Маг Нико не видел этого — он это чувствовал. Тьма под ко-

жей шевельнулась, потянулась к телохранителю, как голодная тварь, учуявшая добычу. В этом человеке было много маны. Достаточно, чтобы пустота внутри Нико заняла от желания сорваться с цепи и опробовать его на вкус. Нико сжал кулак в перчатке, загоняя проклятие глубже. Не сейчас, нельзя.

— Мои люди сказали, что ты ищешь знания, — начал Бастиан. — Редко кто в этих трущобах интересуется чтением. Лицо покажи.

Нико молча откинул капюшон.

Бастиан прищурился. Его взгляд на секунду задержался на необычных глазах Нико. Потом скользнул ниже — на руки в перчатках, на высокий воротник, закрывающий шею до подбородка. Маленькие хищные глазки сузились ещё больше.

Маг-телохранитель за спиной Бастиана чуть шевельнул пальцами — привычный, незаметный жест проверки. Тонкий поток оранжевой маны скользнул от его руки в сторону Нико, как щупальце. Но едва поток коснулся пустоты внутри Нико, частицы маны дрогнули и растворились в воздухе без остатка. Маг отдёрнул руку. И молча отступил на полшага, не сводя с Нико расширенных глаз.

Бастиан проследил за реакцией своего мага и медленно кивнул.

— Выправка. Дисциплина. И мой маг от тебя чуть в штаны не наделал, — хмыкнул Антиквар. — Ты не просто сол-

дат. Ты антимаг. — Он произнёс это спокойно, без отвращения — так говорят о чём-то редком, но знакомом. — Здесь, на дне, таких, как ты, не сжигают, парень. Здесь тебя оценивают по тому, что ты можешь предложить. Что такой «правильный» делает в городе костей?

— Это не имеет значения, — сухо ответил Нико.

Бастиан усмехнулся и откинулся на спинку стула.

— С военными хоть дела вести можно. Солдат знает цену вещам. Не то что церковные крысы. — Он покосился в сторону стеллажа, где за книгами прятался юноша в старой накидке. — Вон, видишь того молитвенника? Третий день тут крутится, делает вид, что просто книги листает. Думает, я не замечаю. Я, конечно, плохой человек. Скупщик краденого, барыга, вор, убийца, как меня только можно не называть. Но я хотя бы знаю, кто я. А вот ваши храмовники и церковники... те спят сладко. Каждую ночь. Искренне веря, что они — хорошие люди.

— Не все, — негромко раздалось от стеллажа.

Бастиан повернул голову. Юноша в старой накидке не поднял глаз от книги, но голос его прозвучал неожиданно твёрдо для человека, который три дня старался быть невидимым.

— Не все спят сладко, Антиквар.

— О, молитвенник заговорил, — оскалился Бастиан. — Три дня молчал, а тут задело?

— Не задело. Просто уточнил. — Юноша закрыл книгу.

Впервые посмотрел прямо на Бастиана. — Ты торгуешь книгами, которые Церковь приказала сжечь. Книгами, которые могут посеять страх и панику среди простого народа. Скажи мне, Антиквар — ты их продаёшь, потому что хочешь, чтобы люди стали умнее и увидели мир таким, какой он есть? Или ты просто торгуешь всем, за что платят, не думая, что будет потом?

Бастиан поднял бровь. Помолчал, разглядывая юношу так, будто впервые увидел что-то интересное.

— А ты дерзкий для молитвенника. — Он откинулся на спинку стула. — Знаешь, что я делаю, мальчик? Я даю людям свободу. Ту самую свободу, которую ваша Церковь так старательно у них забирает. Я кладу книгу на стол. Что человек с ней сделает — его дело. Может, станет умнее. Может, сойдёт с ума от страха. Это уже не моя забота. Я даю выбор. А как он подействует — пусть каждый решает сам. — Он наклонился вперёд, и хищные глазки сузились. — Или ты считаешь, что у людей нужно отобрать даже это? Что их умишко слишком мал, чтобы справиться с правдой? Что их надо оберегать от знаний, как детей от огня? Что за мир такой, где люди знают только то, что им разрешило государство?

Юноша сжал челюсть. Промолчал. Не потому что нечего было ответить — а потому что в словах барыги, вора и убийцы звучало то, за что он сам рисковал головой каждый день в закрытых архивах Собора.

Бастиан усмехнулся, прочитав молчание по-своему.

— Ну вот, видишь, солдат? Церковная крыса, которая думает, что она лучше меня, потому что ворует бесплатно. — Он сплюнул на пол. — Ладно. Что ты ищешь?

— Мне нужны древние тексты. Хроники, уходящие в прошлое мира. В те времена, когда Церкви Сияющей Истины еще не существовало.

Бастиан самодовольно улыбнулся.

— Ты пришел по адресу. У меня есть апокрифы, копии сожженных дневников и карты старых Империй. Стоит это целое состояние, но если у тебя есть золото...

— А есть ли у тебя что-нибудь о тех, кого называют «Именами Павших»? — ровным голосом спросил Нико.

Бастиан моргнул. Телохранители непонимающе переглянулись.

— Имена кого? — Антиквар нахмурился, почесывая двойной подбородок. — Каких павших? Героев прошлой войны? Мучеников Церкви? Ты выражайся яснее, солдат. Я торгую книгами, а не детскими загадками.

Нико мысленно выругался. Бастиан не знал. Для него это был пустой звук.

Однако боковым зрением Нико уловил резкое движение. Молодой человек в старой накидке у стеллажа замер, словно пораженный молнией. Его пальцы с силой вцепились в корешок старой книги. Он медленно повернул голову, бросив на Нико взгляд, полный удивления, и тут же торопливо отвернулся, делая вид, что просто читает.

Нико взял это на заметку, но не подал виду, возвращая всё свое внимание Бастиану.

— Значит, таких текстов у тебя нет, — констатировал Нико. — Тогда дай мне самые старые хроники о создании мира, какие только есть в твоём тайнике.

Лицо Бастиана исказилось от злости.

— Месяц назад до меня дошел слух об одном фолианте. Дневник Первого Летописца, написанный еще до начала церковного летоисчисления, — медленно начал Антиквар. — Я заплатил огромные деньги, чтобы этот дневник выкрали из закрытого хранилища. Но он был украден во второй раз. Прямо из-под моего носа. Одна наглая мелкая дрянь, которую я нанял для оценки артефактов, сбежала с ним три дня назад. И прихватила мои векселя.

Антиквар подался вперед, уперев пухлые руки в стол. — Сделка простая. Эта воровка прячется где-то здесь, в Нижнем Городе. Мои люди не могут перевернуть все вверх дном, не привлекая внимания общественности. Найди ее. Принеси мне мои векселя и дневник. Тексты сможешь прочесть, а девчонку... делай с ней что хочешь. Ее зовут Лира. Красные волосы, слишком острый язык. Когда ты ее увидишь, поймешь, что это она, ее ни с кем не перепутаешь.

Нико обдумал услышанное. Быть на побегушках у Антиквара ему не очень-то хотелось, но это был единственный шанс добраться до настоящих архивов.

— Я принесу дневник, — коротко кивнул Нико. Натянув

капюшон, он развернулся и вышел из храма под настороженными взглядами охраны.

Выйдя на шумную улицу «Утопленника», Нико не стал сразу ускорять шаг. Он двигался ровно, смешиваясь с толпой, но чувствовал чужой взгляд на спине. Кто-то шёл за ним.

Ждать пришлось недолго.

Спустя пару минут он уловил их. Осторожные, нервные шаги на мокром камне. Человек, идущий за ним, явно не имел понятия о скрытном преследовании — он то отставал слишком далеко, пугаясь пьяных матросов, то резко сокращал дистанцию, боясь потерять высокую фигуру Нико из виду. Дважды запнулся о ящики. Один раз столкнулся с торговцем и шарахнулся в сторону так громко, что несколько голов повернулись в его сторону. Любительская работа. Шпион из него был никакой.

Нико свернул в первый же тёмный, безлюдный переулок, заваленный сломанными ящиками. Прижался к стене, слившись с тенью. Дыхание ровное, тело неподвижно — старая привычка из ночных засад. Шаги преследователя ускорились. Человек юркнул в переулок... и замер, обнаружив перед собой тупик. Никого.

В следующую секунду мощная рука схватила его за воротник накидки и с силой впечатала спиной в кирпичную стену.

Молодой ученый из логова Бастиана судорожно охнул, выронив какую-то книгу. Нико стоял вплотную к нему. Пра-

вая рука в перчатке намертво держала юношу за горло, прижимая к стене.

Теперь Нико мог разглядеть его в деталях. Юноше на вид было лет двадцать с небольшим. Густые, слегка волнистые золотистые волосы небрежными прядями падали на высокий лоб. Лицо парня было узким, с точеными скулами и аристократически прямым носом. Чистая, ухоженная кожа здорового оттенка безошибочно выдавала в нем человека благородного происхождения, не привыкшего к лишениям и грязи Нижнего Города. Но больше всего выделялись глаза — глубокого, пронзительно-синего цвета, яркие и насмешливые даже сейчас, когда их обладатель висел в хватке Нико, упиравшись спиной в кирпичную стену. Под грязной накидкой, которую парень натянул для маскировки, виднелась совсем другая одежда — светло-серая ряса младшего церковного служителя с коротким белым оплечьем, воротником-стойкой и тонкими серебряными цепочками, на которых покачивался символ Сияющей Истины.

— Кто тебя послал? Церковь? — прошипел Нико, глядя прямо в расширенные от ужаса глаза парня. — Зачем ты идешь за мной?

— Н-никто! Клянусь Светом! — захрипел юноша, пытается ослабить стальную хватку на своем горле. От него пахло дорогим мылом и старым пергаментом. — Я пошел за вами... из-за того, что вы сказали!

Нико чуть ослабил хватку, позволяя ему дышать, но не

отпустил.

— Говори.

— Вы спросили у Антиквара про Имена Павших! — выпалил ученый, жадно глотая воздух. — Простые люди не знают этого термина. Даже высшие чины Церкви считают это богохульным мифом! Откуда солдат вроде вас знает о них?!

— Я задаю вопросы, — холодно отрезал Нико, вдавливая его в стену. — Кто ты такой? Что забыл аристократ в воровской яме?

— Кассиан! Меня зовут Кассиан! — парень поднял руки в примирительном жесте. — Я младший архивариус в Великом Соборе Остгарда. Я... я работаю на Церковь Сияющей Истины.

В глазах Нико блеснул опасный огонек, и хватка на горле Кассиана сжалась.

— Нет-нет, стойте! — в панике зашептал Кассиан. — Я служу им, но я не верю в их учения! Я собираю доказательства. В закрытых секциях Собора есть обрывки текстов, которые они не успели уничтожить. Они лгут нам всем! Имена Павших — это не миф. Это сказания о первых ангелах и демонах! Я точно еще не изучил, информация в свитках везде разная, но она абсолютно точно связана с событием, которое случилось почти сто лет назад... Девяносто семь, если быть точнее!

Голос Кассиана задрожал от научного волнения. Страх перед Нико на секунду отступил, уступив место фанатичному

блеску в глазах.

— Девяносто семь лет назад мир изменился, — горячо зашептал архивариус. — Именно тогда магия обрела те законы, по которым мы живем сейчас, а Церковь захватила власть! Павшие — это ключ к истинной природе магии. Я... я так думаю!

Нико смотрел на трясущегося юношу с нескрываемым скептицизмом. Бывший капитан гвардии, привыкший к грязи, крови и армейской логике, меньше всего хотел ввязываться в религиозные байки.

— Ангелы и демоны? Seriously? — Нико презрительно усмехнулся. — Что за дешевые приемы из детских сказок. Я видел, на что способна ваша хваленая Инквизиция. Ими движет власть и золото, а не какие-то мифические демоны из прошлого века.

Кассиан, к удивлению Нико, не испугался. Он упрямо вскинул подбородок.

— Вы можете называть это сказками, сударь, — твердо ответил молодой ученый. — Но Церковь убивает за эти сказки. Сжигает целые города и деревни. А вы ведь не просто так пришли к Антиквару, верно? Вы ищете ответы. Так вот, принесите мне ту информацию, которую просит у вас Бастиан. Найдите этот Дневник. А взамен я проведу вас в закрытую библиотеку Великого Собора и покажу всё, что знаю о Павших. Докажу вам, что это не выдумки.

Нико задумчиво посмотрел на архивариуса. Этот наивный

книжный червь лез в тайны, за которые ему отрубят голову. Но сделка была выгодной. Без пропуска от служителя Собора Нико никогда не проникнет в архивы Верхнего Города.

— Я найду девчонку с красными волосами и заберу дневник, — сказал Нико, отпуская воротник Кассиана. Тот сполз по стене, потирая шею. — Жди меня здесь. В Нижнем Городе. Если попытаешься вернуться в Собор или поднять стражу — я найду тебя.

— Я буду ждать в таверне «Рванный Парус» на соседней улице! — торопливо ответил Кассиан, поправляя измятую накидку. — И, клянусь, я не предам! Нам обоим нужна эта книга!

Нико развернулся и растворился в тенях переулка.

Он шёл по узкой улице Утопленника, прокручивая в голове расклад. Церковный архивариус, который знает о Павших. Криминальный барыга, который хочет назад свой дневник. Воровка с красными волосами, которая умудрилась обокрасть их обоих. Три фигуры — и ни одной, которой можно доверять.

Кассиан мог оказаться ловушкой Инквизиции. Бастиан мог сдать его стражникам, если это окажется выгоднее сделки. А девчонка Лира — вообще неизвестная величина.

Но дневник Первого Летописца — единственная ниточка к Именам Павших, которая появилась за две недели пути. Нико привык работать с тем, что есть.

У него появилась чёткая цель — найти красноволосую во-

ровку, которая умудрилась разозлить самого опасного человека в Нижнем Городе.

Том 1 Глава 7 — Красная нить

Нижний Город Остгарда был гигантской выгребной ямой, но даже у выгребных ям есть свои правила.

Нико не стал бегать по улицам, заглядывая в каждый бордель и спрашивая о девчонке с красными волосами. Это удел глупцов и городской стражи. Он обучался в одной из лучшей военной академии империи, где часто приходилось вычищать подпольные магические лаборатории. Он знал, как мыслят беглецы.

Девушка обокрала Бастиана Антиквара. Очевидно, что она не сумасшедшая — никто в здравом уме не ворует у Антиквара, не имея плана отхода. Дневник Первого Летописца и вексель жгли ей руки. Ей нужно было быстро сбыть товар и купить фальшивый пропуск из Остгарда.

Нико направился в один из отдаленных районов «Утопленника» — к Медному Каналу. Там, среди гниющих лодок и смрада, обитали фальшивомонетчики и изготовители поддельных печатей.

Поиски заняли три часа. Нико выбил дверь в подпольную мастерскую старого фальшивомонетчика и, не тратя времени на угрозы, просто сломал ему два пальца левой руки, пообещав сломать остальные, если тот не вспомнит клиентку с красными волосами.

Старик оказался разговорчивым.

— Была! Была девка! — визжал он, баюкая сломанные пальцы. — Клянусь, была! Заказала пропуск на купеческий корабль до Столицы! Заплатила аванс, сказала, что принесёт остальное вечером!

— Где она остановилась? — ледяным тоном спросил Нико.

— Старые склады у насосной станции! Зона Семь! Она сняла там помещение!

Спустя полчаса Нико стоял у массивных, проржавевших ворот складского комплекса. Место было идеальным для прятков. Гул гигантских магических насосов, качающих чистую воду в Верхний Город, заглушал любые звуки, а вокруг не было ни души.

Нико не стал ломиться в дверь. Он обошёл здание, забрался по кирпичной кладке на крышу и бесшумно прыгнул через сломанное световое окно внутрь.

Внутри было темно. Нико замер у стены, давая глазам привыкнуть.

Вдоль стен тянулись трубы насосной станции — толстые, чугунные, мерно гудящие.

Нико двинулся вдоль стены, ощупывая пространство взглядом. У входной двери — тонкая нить на высоте щиколотки, привязанная к стопке пустых жестянок. Он перешагнул, не задев. Растяжка. Детский приём. Любой солдат обойдёт её в темноте.

Дальше — узкая кровать у стены, шерстяное одеяло, до-

рожная сумка рядом. Уложена так, чтобы схватить одним движением и бежать. На ящике вместо стола — развёрнутая карта портового района. Нико скосил глаза, три маршрута к причалам, два запасных выхода. Карандашные пометки, по черк торопливый, но разборчивый. Тут же — связка отмычек, моток верёвки и сменная одежда.

Нико мысленно хмыкнул. Любительница. Растяжка из жестянок, карта с пометками на виду, отмычки на столе. Настоящий профессионал не оставил бы ни одной из этих вещей там, где их можно найти. Он удивлялся, как она вообще продержалась три дня — то ли Бастиан искал спустя рукава, то ли девчонке отчаянно везло.

У кровати тускло горела масляная лампа. В её свете на постели лежала свёрнутая в клубок фигура. Красные волосы разметались по подушке.

Спит. Без дозорного, без второй растяжки внутри. Нико покачал головой. Везучая девочка.

Нико приблизился бесшумно, как тень. Лира спала, подложив под голову потёртую сумку — ту самую, в которой наверняка лежал дневник.

Рывок.

Нико схватил девушку за воротник и рывком поднял с кровати. Лира проснулась мгновенно — из горла вырвался сонный женский визг. Она инстинктивно вскинула руки, и с пальцев сорвалась обжигающая вспышка магии огня.

Нико уже был в движении. Он качнулся влево, пропус-

кая огненную вспышку мимо плеча — заклинание пролетело мимо, не задело, — и в ту же секунду перехватил её запястье, заламывая руку за спину.

Холодное лезвие стилета легло плашмя ей на горло.

— Ещё одно заклинание, — прошептал Нико, — и я отрежу тебе пальцы.

Глаза Леры расширились от ужаса. Огонь погас.

Нико рывком поставил её на колени, стянув руки за спиной жёстким армейским узлом. Затем пнул сумку. Содержимое вывалилось на пол — несколько золотых монет, сменная одежда, пачка векселей Бастиана и тяжёлый, окованный медью фолиант. Дневник Первого летописца.

— Быстро же ты меня нашёл, цепной пёс Антиквара, — выплюнула Лира. Несмотря на страх, в голосе звенела дерзость. На вид ей было не больше восемнадцати. — Забирай свои бумажки и катись к дьяволу.

Нико присел перед ней на корточки. В полумраке его аметистовые глаза казались почти чёрными.

— Ты слишком умна, чтобы воровать у Бастиана просто ради денег, — спокойно произнёс Нико. — Обычный вор взял бы золото и камни. Ты взяла исторический дневник и векселя, которые можно обналичить только в Столице. Кто твой заказчик?

— Пошёл ты!

Нико не изменился в лице. Он просто взял из кучи вещей один из векселей, поднёс его к масляной лампе и поджёг

край.

— Эй! Ты что делаешь?! — воскликнула Лира. — Это деньги Бастиана! Он тебя на куски порежет!

— Мне плевать на Бастиана, — Нико бросил горящую бумагу на каменный пол. — Я задал вопрос. Кто приказал тебе украсть дневник?

Он достал второй вексель. Лира стиснула зубы.

— Пытай сколько хочешь. Я ничего не скажу.

Нико убрал вексель. Медленно, одной рукой отвернул рукав куртки на левом предплечье. По бледной коже от запястья к локтю тянулись угольно-чёрные линии — тонкие, плотные, переплетённые друг с другом.

Лира уставилась на его руку. Дерзость слетела с лица мгновенно. Она была магом. Она знала, что означают эти руны.

— Антимаг, — прошептала она побелевшими губами.

Нико поднёс обнажённое предплечье к её лицу. Остановил в дюйме от щеки.

— Если стали не боишься, — тихо произнёс он, — думаю, это заставит тебя заговорить.

Лира несколько секунд молча смотрела на чёрные линии. Потом заговорила — быстро, сбивчиво.

— Я не знаю его имени! — наконец выпалила она. — Клянусь, не знаю! Это заказ из Столицы. Высокого уровня. Человек в маске передал мне аванс через гильдию и сказал, что этот дневник должен быть доставлен в Великий Собор.

Нико нахмурился.

— В Собор? Зачем высшим чинам Церкви нанимать воровку, чтобы украсть книгу, которую они сами же признают ересью?

— А я по-твоему кто? Верховный Жрец? — огрызнулась девчонка. — Я просто выполняю заказы. Дневник нужен кому-то на самом верху. Может, они хотят его сжечь лично. Может, там спрятаны компроматы на других жрецов. Я не задаю вопросов.

Это было похоже на правду. Интриги в верхах Церкви всегда были грязными. Значит, дневник действительно содержит нечто такое, что способно пошатнуть власть Инквизиции или раскрыть тайну «Имён Павших».

Нико натянул рукав обратно, скрыв чёрные линии. Поднялся, забрал Дневник и бросил его в мешок.

— Что ты со мной сделаешь? — напряжённо спросила Лира, глядя снизу-вверх. — Убьёшь и принесёшь Бастиану мою голову?

— Нет. Я оставлю тебя здесь. Связанной. Ты не нужна ни Бастиану, ни Церкви без этой книги. Утром тебя найдёт охрана насосной станции. Дальше выживай сама.

Он развернулся, собираясь уйти, но в этот момент пространство вокруг него... исказилось.

Это не было похоже на атаку мага. Нико не почувствовал скопления маны. Вместо этого пустота внутри его тела внезапно завывала. Тень под кожей не сжалась, как при Историке,

и не потянулась за едой. Она среагировала иначе — как магнит, столкнувшийся с другим полюсом.

Нико инстинктивно отскочил в сторону, выхватывая глефу.

Из теней между ящиками бесшумно шагнула фигура. Мужчина, закутанный в тёмный плащ.

— Грубо обращаешься с женщинами, солдат, — раздался спокойный, хрипловатый голос.

Нико напрягся. Глаза сузились. Он не чувствовал маны вокруг незнакомца. Абсолютно ничего.

Но он чувствовал другое. Давящее ощущение вакуума. Этот человек был таким же.

— Кто ты? — процедил Нико, перехватывая глефу двумя руками.

Незнакомец медленно стянул капюшон. Лицо скрывала полумаска, но глаза горели пугающим, тёмным светом.

— Я тот, кто пришёл забрать девчонку и дневник, — произнёс мужчина.

Он медленно поднял руку и демонстративно стянул с неё перчатку. Пространство вокруг обнажённой ладони мгновенно почернело, словно сам свет померк, засасываемый в невидимую воронку. Это была не просто Антимагия. Это была Антимагия, подчинённая чужой воле.

— И, в отличие от тебя, птенец, — усмехнулся незнакомец, — я умею пользоваться этой Тьмой.

Нико не стал тратить время на разговоры. Инстинкты сол-

дата требовали уничтожить угрозу. Он сорвался с места — без магического ускорения, но со всей мощью тренированного тела.

Тяжёлая армейская глефа описала широкую дугу, метя в шею незнакомцу. Удар, который разрубил бы пополам рыцаря в доспехах.

Незнакомец даже не сдвинулся с места. Просто поднял обнажённую правую ладонь навстречу лезвию.

Глефа ударилась в чёрное марево, обволакивающее руку мужчины. Глухой, сосущий звук — словно клинок вошёл в плотную, но в тоже время вязкую сущность. Инерция удара, вся масса и скорость, которую вложил Нико, просто исчезла. Растворилась. Лезвие остановилось в миллиметре от кожи.

Отдача от резкой остановки ударила по суставам Нико, выбивая глефу из рук.

— Инерция — это тоже энергия, — спокойно пояснил незнакомец, опуская руку. Вокруг ладони ещё клубился плотный дым. — Пустота внутри нас не различает ману Света, Огня или физическую силу удара. Если ты понимаешь её природу, она поглотит всё, что в неё отправишь. Ты используешь её как дубину. Я использовал её как щит.

Незнакомец сделал шаг вперёд. В следующий миг он оказался прямо перед Нико — двигаясь с нечеловеческой скоростью.

Нико попытался ударить кулаком в лицо, но незнакомец

легко перехватил руку, подсёк ногу и швырнул бывшего гвардейца на каменный пол.

Нико рухнул на спину, тяжело выбив дух. Попытался подняться — тяжёлый сапог незнакомца опустился ему на грудь, прижимая к земле.

Спина горела от удара о камень. Во рту горечь крови. Рёбра ныли.

Бой длился меньше минуты. Глефа, кулаки, всё тело — бесполезно. Этот человек мог убить его в любой момент. Не стал.

Нико не испытывал страха. Вместо него пришло упрямство. Не здесь. Не так. Его история не закончится на холодном полу склада, под чужим сапогом, без единого ответа. Он ещё не нашёл Имена. Не узнал правду. Если придётся умереть — пусть. Но не раньше, чем он закончит.

— Достаточно, — голос мужчины в маске был спокоен, без капли одышки. — Ты двигаешься как солдат. Мёртвый, но прямолинейный солдат. В тебе есть сила, но ты слеп, как новорождённый щенок. — Он помолчал. — Покажи руки.

Нико, придавленный сапогом к полу, стиснул зубы. Потом медленно отвернул рукав на правом предплечье.

Мужчина в маске наклонился. Глаза за прорезьями сузились — он увидел чёрные линии, покрывающие кожу от запястья до локтя. Плотные, густые, переплетённые так тесно, что между ними почти не оставалось чистой кожи.

— Много, — тихо произнёс он. В голосе мелькнуло что-то

новое. Удивление и интерес. — Очень много для человека, не рожденного с антимагией. Как ты ещё жив с такой плотностью рун, птенец?

Он убрал ногу с груди Нико и сделал шаг назад.

— Как ты её приобрёл?

Нико сплюнул кровь.

— Южные руины. Подавление бунта, — хрипло выдавил он. — Жрецы взорвали древний артефакт. Моя магия выгорела. А вместо неё осталась эта дыра.

Мужчина в маске медленно кивнул, словно этот ответ его полностью устроил.

— Искусственное выгорание. Взрыв обратной полярности. Редкость, но бывает, — задумчиво произнёс он. Затем его взгляд упал на мешок Нико, из которого торчал край Дневника. — А теперь ответь мне. Зачем тебе, необразованному солдату, такая книга? В ней нет того, что ты ищешь. Там лишь Координаты старых храмов, схемы мана-потоков. Книга ценна для жрецов, но бесполезна для военного.

Нико медленно сел, потирая ушибленную грудь. Лира, всё это время наблюдавшая за боем с расширенными от ужаса глазами, жалась в угол.

— А ты знаешь, что я ищу? — Нико криво усмехнулся. Плечи напряжены, кулаки сжаты — но голос он держал ровно. — Может, я решил заняться изучением древней каллиграфии на досуге.

Незнакомец тихо рассмеялся. Сухой, безрадостный смех.

— Каллиграфия. Забавно. — Он посмотрел на Лиру, затем снова на Нико. — У меня для тебя есть предложение.

Он извлёк из-за пазухи туго набитый кошель и бросил его Нико на колени. Золото тяжело звякнуло.

— Оставь девчонку и книгу мне, а это отнеси своему толстому Антиквару. Здесь с лихвой хватит, чтобы покрыть его украденные векселя и забыть о дневнике. А если ты действительно хочешь получить ответы... — Незнакомец натянул перчатки обратно. — Через неделю жди меня на восточной окраине этого города. У Старых Верфей. Я покажу тебе Антимагию во всей её красе. И, возможно, дам тебе цель, ради которой стоит использовать эту «Тьму».

Нико посмотрел на мешочек с золотом. Потом на Дневник. Потом на незнакомца, который стоял расслабленно, скрестив руки на груди.

Расчёт. Не гордость — расчёт. Бой проигран. Противник сильнее. Книга, если верить его словам, не содержит того, что нужно. Но золото покрывает долг перед Бастианом. А Касиан всё ещё ждёт в «Рваном Парусе» — и у него есть доступ в Собор. Дневник упущен, но сделка с архивариусом остаётся в силе.

Нико не сдавался. Он перегруппировывался.

Он молча поднялся. Бросил Дневник к ногам незнакомца и поднял свою глефу.

— Через неделю, — ровно произнёс Нико. — Восточная окраина.

Незнакомец шагнул к Лире. Одним движением разрезал верёвки на её запястьях. Девушка вскочила, потирая затёкшие руки, и — к удивлению, Нико — не побежала. Встала рядом с мужчиной в маске. Молча.

— До встречи, брат по Пустоте, — мужчина слегка поклонился. Подхватил Дневник, положил руку Лире на плечо, и обе фигуры растворились в тенях склада.

Нико вышел из здания. Морозный ночной воздух остудил разгорячённое лицо. План изменился. У него была неделя до встречи с другим Антимагом. Но для начала — вернуться к Бастиану, отдать ему золото и встретиться с Кассианом. У учёного были ответы — и теперь, без дневника, эти ответы стоили вдвое дороже.

Том 1 Глава 8 — Архитектура лжи

Золото — самая древняя и честная форма магии. В

отличие от заклинаний, оно не требует таланта или чистоты крови. Оно работает одинаково безотказно и на нищем убийце, и на Верховном Жреце.

Нико подбросил на ладони тяжелый кожаный кошель, который ему оставил человек в маске. Внутри глухо звякнули монеты.

Таверна «Рваный Парус» полностью оправдывала свое название. За грубыми, сколоченными из корабельных досок столами сидели те, кого Верхний Город предпочел бы никогда не видеть: контрабандисты, искалеченные матросы, беглые каторжники. В дальнем углу двое резались в кости, громко ругаясь после каждого броска. У стойки пьяный матрос спал лицом в луже разлитого эля, и никто не пытался его разбудить. Подавальщица с уставшими глазами бегала между столами, даже не глядя на посетителей — здесь не запоминали лиц.

Нико остановился на пороге, позволив глазам привыкнуть к освещению в таверне. Рёбра ныли после броска на каменный пол. Правое плечо отзывалось тупой болью при каждом движении. Воспоминание о столкновении с другим антима-

гом не отпускало. Тот человек играл с ним. Показал, что пустота может быть не только оружием, но и щитом. Инерция, скорость, сила — всё разбилось о понимание Тьмы, которого у Нико не было.

Нико привык побеждать. Сегодня его разгромили за минуту. Это отрезвляло.

Взгляд аметистовых глаз безошибочно выхватил цель в самом тёмном углу таверны.

Кассиан. Архивариус сидел, сгорбившись над кружкой нетронутого эля. Он стянул свою грязную накидку ещё плотнее, но его выдавала каждая мелочь. Слишком чистые ногти, слишком прямая спина, бегающий взгляд человека, который впервые оказался за пределами библиотеки.

Нико подошел бесшумно. Деревянная скамья скрипнула, принимая вес бывшего солдата.

Кассиан вздрогнул и поднял голову. В его глазах вспыхнула отчаянная надежда.

— Вы вернулись, — выдохнул юноша, подаваясь вперед. Его взгляд тут же метнулся к походному мешку Нико, ожидая увидеть тяжелые медные застёжки Дневника. — Вы нашли ее? Книга у вас?

Нико молча достал из-за пазухи кошель с золотом и бросил его на прожженную свечами столешницу. Монеты издали тяжелый, звонкий звук.

— Девчонку я нашел, — ровно произнес Нико, глядя прямо в лицо архивариусу. — Но книга ушла. Ее забрал тот, ко-

му я пока не могу противостоять.

Улыбка сползла с лица Кассиана. Он уставился на кошель, словно это была ядовитая змея.

— Ушла? — голос юноши сорвался на шепот. — Но но как же наш уговор? Дневник Летописца был ключом! Там могли быть Имена! Без него я вы сделка расторгнута!

Нико подался вперед. Кассиан отодвинулся, упершись спиной в стену.

— Сделка была в том, что я решу вопрос с Антикваром, а ты проведешь меня в Собор, — чеканя каждое слово, произнес Нико. Он кивнул на кошель. — Здесь достаточно золота, чтобы Бастиан забыл о своих украденных векселях и перестал искать девчонку. Я выполнил свою часть. Теперь твоя очередь.

Кассиан посмотрел на дверь. Потом на Нико. Потом снова на дверь.

— Вы не понимаете. Великий Собор Остгарда — это не трактир во Внешнем Кольце, — зашептал юноша, осматриваясь по сторонам. — Это крепость. Закрытая секция архивов находится на минус третьем ярусе, прямо под залами Инквизиции. Туда пускают только Высших Жрецов. У меня есть допуск только на первый уровень.

— Значит, мы пойдем туда, куда у тебя нет допуска, — констатировал Нико. — Архитектура таких зданий всегда одинакова. Там, где есть парадные двери для господ, всегда есть черные ходы для слуг. Как охраняется архив?

Кассиан обреченно потер виски.

— Магия, — выдохнул Кассиан. — На каждом пролете стоят Контуры Света. Они считывают ману входящего. Если ваша аура не зарегистрирована в кристаллах Собора, Контур активирует защитные руны. Вас просто испепелит на месте. И даже если вы пройдете магию там храмовники. Элита Инквизиции. Они не задают вопросов. Они рубят сразу.

Нико задумчиво постучал пальцами в кожаной перчатке по столешнице.

Идеальная, замкнутая система. Свет охраняет свои тайны, сжигая всё чужеродное. В прошлой жизни капитан Нико мог бы попытаться обмануть кристаллы, подстроив частоту своей маны под нужный резонанс. Но сейчас в нем не было маны.

Была лишь пустота.

— Контуры Света реагируют на присутствие магии, — медленно, размышляя вслух, произнес Нико. — А как они реагируют на пустоту? На предметы, в которых нет маны? На мебель, на камни? На пыль?

Кассиан нахмурился. Ум ученого зацепился за задачу.

— Никак. Контур игнорирует неживую материю без маны. Иначе он бы срабатывал каждый раз, когда сквозняк заносит в коридор осенний лист, — юноша поднял взгляд на Нико. — Но вы же живой человек. В каждом человеке есть хотя бы крошечная искра

Кассиан осекся. Несколько секунд он молча смотрел на

Нико — на перчатки, на закрытый воротник, на этот давящий холод, который исходил от бывшего солдата. Он видел, как среагировал маг Бастиана. Слышал, как Антиквар назвал этого человека антимагом. Но одно дело — услышать слово, и совсем другое — осознать, что перед тобой сидит человек, в котором нет ни единой искры маны. Пустой сосуд. Ходячее отрицание всего, во что верит Церковь.

— Свет милосердный — прошептал архивариус, вжимаясь в стену. Пальцы, обхватившие кружку, побелели. — Вы для Контуров невидимы. Для них вас просто не существует.

— Я — слепое пятно для вашей магической защиты, — жестко отрезал Нико. — Магический барьер — не проблема. Остаются физические преграды. Храмовники. Как они патрулируют нижние уровни?

Кассиан тяжело выдохнул. Он сидел за одним столом с человеком, которого его вера называла абсолютным злом. Но этот человек был единственным, кто мог провести его туда.

— Они они стоят у главных ворот хранилища, — запинаясь, ответил юноша. — Четверо. Круглосуточно.

— Значит, нам нужен путь в обход главных ворот, — Нико достал из мешка короткий угольный карандаш и прямо на столешнице нарисовал прямоугольник. — Это Собор. Это минус третий ярус. В каждом крупном здании есть вентиляция, стоки или система отопления. Что находится прямо под архивом? На минус четвертом?

Кассиан собрался с мыслями.

— Очистные печи, — тихо сказал он. — Там Инквизиция сжигает еретические тексты. И тела. Тела тех, кто умер в карантинных бараках от вашей «болезни». Пепел затем сбрасывают в подземную реку.

Нико замолчал. Мальчишка с кристалла у городских ворот. Сотни тех, кого он сам когда-то отправил в огонь, свято веря в приказ. Все они заканчивали путь здесь — в подвалах этого величественного Собора. Превращались в золу, которую сбрасывали в реку, чтобы даже память о них исчезла.

— Кто обслуживает эти печи? Жрецы? — голос Нико стал тихим.

— Нет, — покачал головой Кассиан. — Неприкасаемые. Немые рабы из нижнего города. Им вырезают языки, чтобы они не могли выдать секреты Собора, и клеймят. Они вывозят пепел и привозят уголь через Катакомбы Скорби — старые туннели, соединенные с канализацией. Там нет ни Контуров Света, ни элитных храмовников. Лишь пара рядовых стражников на воротах.

Нико перечеркнул нарисованный на столе прямоугольник крест-накрест.

Система всегда оставляет уязвимости там, где ей слишком противно смотреть. Высшие Жрецы доверяют самую тяжёлую работу тем, кого считают ниже себя. Но именно оттуда легче всего ударить.

— Завтра ночью, — приказал Нико, стирая рисунок рукавом куртки. — Ты спустишься на минус третий ярус ар-

жива со своим пропуском. Я зайду через Катакомбы Скорби, поднимусь по вентиляционным шахтам очистных печей и встречу тебя внутри хранилища. Ты найдешь нужные тексты. Я обеспечу нам выход.

Кассиан сидел бледный как полотно.

— Вы с ума сошли, — прошептал архивариус. — Если нас поймают нас будут пытаться неделями, прежде чем позволят умереть.

— Значит, не попадайся, — Нико поднялся со скамьи. Он взял кошель с золотом и швырнул его в грудь Кассиана. Юноша едва успел поймать тяжелый мешочек. — Отнеси это Бастиану. Скажи, что девчонка мертва, дневник сгорел, а это — компенсация за его векселя. Он жадный, но прагматичный, его это устроит. И подготовь мне карту катакомб.

Нико развернулся и пошел к выходу.

На улице он не повернул вниз, к Утопленнику. Ему нужно было увидеть цель своими глазами. Планировать штурм по чужим словам — привычка, которая убивает.

Пробраться в Верхний Город оказалось проще, чем он ожидал. На Утопленнике за десять медных монет ему продали поношенную серую рясу — грубую, без знаков различия, из тех, что носят церковные уборщики и подмастерья. Нико натянул её поверх куртки, поднял капюшон и влился в поток работников, возвращавшихся с ночной смены через служебные ворота. Стражник осмотрел равнодушным взглядом и отвернулся — ряса была пропуском, который не требовал

кристалла для проверки.

Второе кольцо встретило тишиной. Гильдейские кварталы спали — ставни закрыты, фонари потушены. Только патруль из двух солдат прошёл мимо, стуча коваными набойками по брусчатке. Нико прижался к стене колоннады, пропуская их. Здесь камень под ногами был ровным, подогнанным без зазоров.

Третье кольцо. Террасы с барельефами, покрытые снегом. Нико шёл по широкой лестнице между ярусами, и с каждым пролётом менялось всё. Воздух становился теплее — незаметно, постепенно, словно кто-то прибавлял огонь в невидимой печи. Руны, встроенные в перила, мерцали мягким светом, отгоняя мороз. Внизу люди мёрзли в дырявых одеялах. Здесь магия грела камень, по которому никто не ходил.

На лестничной площадке между третьим и четвёртым кольцами стоял контрольный пост — двое жрецов в серых рясах и четверо стражников. Нико замедлил шаг. Жрецы проверяли каждого входящего — не кристаллом, а пергаментом. Пропуск. Печать. Кивок. Следующий.

Нико достал из-под рясы свиток, который прихватил у фальшивомонетчика на Медном Канале — чистый бланк с поддельной печатью Хозяйственной службы Собора. Протянул жрецу. Тот скользнул взглядом по печати, даже не прочитав текст, и махнул рукой.

Четвёртое кольцо.

Здесь было другое небо. Не серое давящее полотно, под

которым жил Нижний Город, — а чистое, открытое, с проблесками звёзд между облаками. Магия верхних ярусов разгоняла тучи, удерживая над четвёртым кольцом островок ясной ночи. Внизу шёл снег. Здесь его не было.

Белый мрамор храмов светился голубоватым светом от мана-фонарей, расставленных вдоль широких улиц. Тишина — не мёртвая, а бережная, как в библиотеке. Прохожих почти не было. Изредка проходил жрец в белоснежной мантии или проезжала закрытая карета с позолоченным гербом. Мостовая здесь была мраморной.

Великий Собор занимал восточную часть кольца — не здание, а целый комплекс, окружённый стеной высотой в три человеческих роста. Шпили прокалывали ночное небо. Стены гладкие, без единой трещины.

Нико двинулся вдоль стены, обходя комплекс с восточной стороны. За поворотом открылся широкий двор. Конюшня. Десяток лошадей под попонами с гербом Короны, рядом — конюшня, у которой дежурил солдат в знакомой чёрной шинели.

Нико замер в тени колоннады.

Тот самый отряд. Столичная гвардия, которую он видел у Главных Врат. Чёрные плащи с алой подкладкой, стальные пряжки, серебряные нашивки. Они находились здесь, на четвёртом кольце, рядом с Собором. Значит, не проездом. Гвардия Короны, размещённая при Церкви, — это либо почётный караул, либо усиление перед чем-то серьёзным.

И где-то среди них — девушка с серебристыми волосами и голубыми глазами, которая смотрела на него у ворот слишком долго.

Нико до сих пор не знал, узнала ли она его. Может, ей показалось странным лицо в толпе. Может, она уже забыла. А может, написала рапорт, и прямо сейчас Инквизиция сужает кольцо поисков.

Он не мог подойти к ней. Не мог выследить её в казарме, полной солдат. Не мог убедиться. Оставалось действовать быстро. Если она его узнала, счёт шёл на дни. Ещё одна причина не откладывать штурм.

Нико отступил в тень и пошёл дальше вдоль стены.

На площади перед главным входом он остановился, смешавшись с тенями колоннады. Над воротами, выложенными золотой мозаикой, тянулась надпись. Крупные буквы, врезы в белый камень так глубоко, что их можно было прочесть даже в сумерках:

«Блажен тот, кто не вопрошает, ибо Свет ведёт его.»

Нико прочитал. Перечитал. Семь слов. Религия, которая буквально запрещает задавать вопросы. И миллионы людей, которые считают это мудростью.

Он постоял ещё минуту, запоминая расположение стражи у ворот, боковые входы, высоту стен. Два патруля по периметру — смена каждые четверть часа. Факелы у главного входа, тени у боковых. Катакомбы Скорби, о которых говорил Кассиан, должны выходить где-то с тыльной стороны,

ниже уровня площади.

Нико отвернулся и пошёл вниз. К Нижнему Городу. Готовиться.

Впервые с того рокового дня в южных руинах капитан гвардии шёл на штурм. Не ради короны. Не ради лживых богов. Он шёл, чтобы узнать Имена тех, кого система предпочла забыть.

Когда за бывшим гвардейцем закрылась тяжелая дверь таверны, отсекая гул улицы, Кассиан всё так же неподвижно сидел за столом.

Дрожь, бившая его тело всё это время, внезапно улетучилась, словно по щелчку невидимых пальцев. Спина юноши выпрямилась. Бледность сошла с лица, уступив место спокойному, расчётливому выражению.

Кассиан задумчиво взвесил на ладони кошель с золотого Антиквара.

— Удивительный человек, — едва слышно пробормотал он себе под нос. В его голосе больше не было ни паники, ни заикания. — Вот так доверился мне. Передал целое состояние какому-то неизвестному архивариусу и даже не попытался убедиться, что я действительно тот, за кого себя выдаю.

Тонкие губы юноши тронула легкая, почти хищная полуулыбка. Он спрятал золото глубоко в складках своей грязной накидки.

— Идеальный инструмент. Слишком самоуверенный в

своей новообретенной Тьме, слишком ослепленный ненавистью к Церкви. Но, с другой стороны нам двоим это на руку. Ты откроешь мне те двери, которые я не мог взломать сам.

Кассиан поднялся из-за стола, бросив на стол пару медных монет за нетронутый эль и растворился в полумраке таверны, двигаясь с грацией, совершенно не свойственной забитым кабинетным ученым.

Том 1 Глава 9 — Фундамент Истины

Пепел — это самое честное состояние материи.

Огонь пожирает всё — титулы, амбиции, ложь и даже саму магию, оставляя после себя лишь ничего.

Так думал Нико, идущий в глубине Катакомб Скорби. Церковь Сияющей Истины поклонялась белому цвету. Белые рясы, ослепительно-белый свет заклинаний, беломраморные шпили Собора, пронзающие небеса над Остгардом.

Но Нико, идущий в глубине Катакомб Скорби, теперь точно знал, фундамент этого белоснежного величия стоит на костях и копоти. Он теперь знал это точно.

Подземные туннели встретили его тяжёлым, влажным воздухом. Здесь пахло застоявшейся водой, крысиным помётом и чем-то ещё — запахом жжёной и старой бумаги. Вода тихо капала со сводов.

«Кап».

«Кап».

Этот монотонный ритм отмерял шаги Нико, ступающего по склизким камням с бесшумностью хищника.

Он был одет во всё чёрное. Никаких звенящих элементов кольчуги — только плотная дублёная кожа, мягкие сапоги и перчатки, надёжно скрывающие его проклятие. Глефа

осталась в тайнике на поверхности, в узких вентиляционных шахтах с древковым оружием не развернуться. В голенище сапога покоился узкий армейский стилет. Оружие для работы вплотную.

За поворотом туннеля блеснул тусклый жёлтый свет. Нико прижался к стене.

По коридору двигалась процессия.

Трое людей толкали перед собой тяжёлую чугунную тележку, доверху гружённую серым шлаком и золой. Они были раздеты до пояса, несмотря на подземный холод. Их тела представляли собой обтянутые кожей скелеты, исполосованные шрамами от плетей. На плече каждого находился выжженный клеймом знак Инквизиции — перечёркнутое око.

Один из рабов оступился. Тележка дёрнулась, и кусок шлака с грохотом упал на камни. Человек упал на колени, но не издал ни звука. Даже стопа. Его рот был полуоткрыт, обнажая изуродованную пустоту там, где когда-то был язык.

Нико смотрел на них не отводя глаз. В прошлой жизни, будучи офицером элитной гвардии, он верил, что Империя держится на героизме солдат и мудрости жрецов. Теперь, глядя на этих искалеченных, лишённых голоса людей, он видел истинный механизм системы. Если ты не обладаешь магией, ты не человек. Ты — топливо.

Он мог бы выйти и перерезать их цепи. Мог бы подарить им свободу.

Но Нико даже не сдвинулся.

Выпусти их сейчас — и завтра утром они умрут от голода или арбалетного болта в спину во Внешнем Кольце, а Инквизиция поднимет тревогу. Сострадание без плана — это просто еще одна форма самоубийства.

Он дождался, пока скрип тележки стихнет вдали, и скользнул дальше по коридору, ориентируясь по грубо нарисованной карте Кассиана.

Где-то в глубине туннелей послышался странный звук. Свист — тихий, мелодичный, без слов. Один голос подхватил другой, потом третий. Песня без слов, без языков, без надежды. Рабы пели сквозь дыхание, потому что у них осталось только это.

Нико продолжил идти дальше, под мелодию Неприкасаемых.

Спустя двести шагов туннель расширился. Воздух здесь стал сухим и невыносимо горячим. Впереди находился зал очистных печей — огромных домен, внутри которых ревели магическое пламя. Именно здесь Инквизиция уничтожала запрещённые книги и тела тех, кто умер в карантинных бараках от «Скверны».

Проход к техническим помещениям и вентиляционным шахтам преграждала тяжёлая железная решётка. Перед ней стояли двое.

Это были не элитные храмовники в серебряных латах. Те охраняли парадные двери и чистые коридоры верхних ярусов. Сюда, в подвальную вонь, отправляли обычных страж-

ников Инквизиции. На них были кожаные панцири поверх серых рубах. Один лениво опирался на алебарду, второй сидел на перевернутом ящике, бросая кости.

— Выпадет двойка — и ты должен мне кружку эля в «Слепой Свинье», — скучающе произнёс сидящий.

— Заткнись и бросай. От этой вони у меня уже глаза слезятся. Когда привезут новую партию из карантина?

— К утру. Жрецы сказали, там пара десятков ублюдков из портового района. Говорят, опять мана гниёт...

Они не договорили.

Смерть в балладах всегда сопровождается звоном стали и криками. В реальности смерть от рук профессионала происходит тихо.

Нико появился за спиной стоящего из темноты. Его левая рука в плотной перчатке жёстко обхватила лицо человека, зажимая рот и нос, одновременно запрокидывая голову назад. Правая рука с зажатым стилетом нанесла один короткий, точный удар снизу-вверх, под основание черепа, разрывая спинной мозг.

Никакого крика. Никакого сопротивления. Только глухой хруст и тело мгновенно обмякло.

Второй стражник, услышав странный шорох, поднял взгляд от игральных костей. Его рот открылся, чтобы поднять тревогу, но было поздно.

Нико, позволив мёртвому телу бесшумно осесть на пол, уже сократил дистанцию. Он не стал бить клинком — кровь

могла испачкать пол и привлечь внимание. Вместо этого Нико с разворота впечатал тяжёлый, окованный железом носок сапога прямо в висок сидящего стражника. Удар сработал как кувалда. Голова человека мотнулась в сторону, и он рухнул на камни, лишившись сознания ещё до того, как его тело коснулось земли.

Нико склонился над ним. Секундная пауза. Убить или оставить в живых? Оглушённый очнётся через час. Тревога сорвёт всю операцию.

Рука Нико без колебаний свернула стражнику шею.

«Хруст».

Закон системы — если шестерёнка стоит на твоём пути, ты от неё избавляешься.

Быстро оттащив оба тела в глубокую нишу и прикрыв их пустыми мешками из-под угля, Нико снял с пояса убитого связку ключей. Один из них со скрежетом повернулся в замке решётки.

Нико проник в технический коридор. Прямо над ним, уходя вертикально вверх, открывалась широкая шахта вытяжки. Оттуда тянуло жаром и запахом раскалённого металла. Это был путь на минус третий ярус. В архивы.

Нико убрал стилет, затянул ремни мешка на груди и упёрся руками и ногами в узкие кирпичные стенки шахты.

Подъём начался.

Мышцы мгновенно отозвались болью. В прошлой жизни он бы просто создал восходящий поток ветра, который под-

нял бы его наверх, как пушинку. Теперь ему приходилось цепляться за выступы кирпичей. Жар снизу лизал подошвы сапог. Сажа забивалась в нос и горло, заставляя глаза слезиться.

Где-то далеко внизу, в глубине туннелей, снова раздался тихий свист. Песня Неприкасаемых поднималась по шахте вместе с дымом, оседая в его лёгких. Нико стиснул зубы и подтянул себя ещё на полметра вверх.

Никаких богов. Никакой магии. Только воля против силы тяжести и память о людях без языков, которые пели где-то под ним.

Спустя двадцать минут изнурительного подъёма, когда руки уже начали предательски дрожать от напряжения, шахта закончилась горизонтальным отводом. Нико подтянулся и вполз в узкий металлический короб. Проползти оставалось совсем немного.

Впереди блеснул тусклый свет.

Нико приблизился к массивной чугунной решётке вентиляции. Сквозь узорчатые прорези он увидел то, ради чего проделал весь этот путь.

Закрытая секция архивов Великого Собора.

Огромный, круглый зал. Стены от пола до потолка терялись в тенях, уставленные бесконечными рядами стеллажей. Воздух здесь был прохладным, сухим и пах вечностью. Никакой пыли. Никаких следов времени. Помещение слабо освещалось холодным светом магических сфер, парящих

под потолком.

А прямо под решёткой, нервно озираясь по сторонам, стоял человек в тёмно-красной рясе Высших Архивариусов.

Кассиан.

Его лицо было напряжённым, но в глазах больше не было того затравленного страха, что в таверне. Сейчас юноша выглядел предельно собранным. Волк, притворявшийся овцой, наконец добрался до загона.

Нико достал стилет, аккуратно поддел замок чугунной решётки и, сдвинув её в сторону, бесшумно спрыгнул на мраморные полы хранилища.

— Вы пунктуальны, — не оборачиваясь, тихо произнёс Кассиан.

— А ты на удивление спокоен для того, кто стоит в шаге от костра Инквизиции, — ровно ответил Нико, отряхивая сажу с рукавов.

— Откуда у тебя ряса Высшего Архивариуса? — добавил он, скользнув взглядом по тёмно-красной ткани.

— Одолжил из гардеробной вместе с печатью, — Кассиан пожал плечами. — Утром верну. Если буду жив. Кстати, цвет мне идёт куда больше, чем серый. Может, после всего этого подам прошение о повышении.

Нико посмотрел на него молча.

— Шутка, — Кассиан криво улыбнулся.

Кассиан повернулся к нему. В голубоватом магическом свете его лицо выглядело острее, взрослее — тени резали

скулы, убирая из него всё мальчишеское.

— Ах, да, костёр пугает лишь тех, кто не знает, как устроен огонь.

Юноша взмахнул рукой, и тяжёлый фолиант на ближайшем столе сам собой раскрылся на нужной странице.

— Добро пожаловать в фундамент лжи, — сказал архивариус. — Давайте искать наши Имена.

Тишина в закрытой секции Великого Собора была абсолютной. Это была не та естественная тишина, которая бывает в заснеженном лесу или в пустом доме. Это была тишина герметичного склепа, где Церковь заживо похоронила саму историю.

Нико шёл следом за Кассианом между высокими, уходящими в тени стеллажами. Его шаги по мрамору были беззвучны. Архивариус двигался иначе — быстро, почти хищно, скользя между полками с уверенностью человека, который знает эту территорию лучше собственных пяти пальцев.

Нико на ходу скользнул взглядом по ближайшему стеллажу. Среди тяжёлых фолиантов выделялась тонкая, аккуратная переплетённая книга. Белая кожа, серебряное тиснение. «Протоколы карантинных барачков. Цикл 41». Нико снял её с полки, открыл наугад.

Имена. Сотни имён, выписанных каллиграфическим почерком, столбцами. Дата поступления. Возраст. Диагноз — «начальная стадия Увядания». Дата сжигания. Сноска: «прах сброшен в подземную реку, согласно регламенту».

Дети. Половина списка — дети до десяти лет.

Нико закрыл книгу и аккуратно поставил её обратно. Лицо его не изменилось. — Сюда, — позвал Кассиан, остановившийся в дальнем углу зала.

Молодой учёный остановился у массивного шкафа, выкованного из чёрного железа. Замок на нём был не магическим, а механическим — сложная система шестерёнок и штифтов.

— Жрецы слишком полагаются на свою ману, — негромко произнёс Кассиан, доставая из складок рясы пару тонких стальных отмычек. — Они думают, что если защитили ярус Контурами Света, то замки внутри можно сделать обычными. Высокомерие — главный враг любой Империи.

Не прошло и десяти секунд, как внутри механизма что-то мягко щёлкнуло. Дверца со скрипом отворилась.

Нико наблюдал за этим с неподдельным интересом. Идеально чистые ногти, мягкие руки кабинетного учёного — и навыки высококлассного взломщика. Этот юноша был шкаптулкой с двойным дном.

— Где ты этому научился? — ровно спросил Нико. — В Соборе вряд ли учат вскрывать замки.

— Самообразование, — Кассиан подмигнул, не отрываясь от шкафа. — Когда тебе с детства запрещают читать половину книг в библиотеке, поневоле учишься открывать те шкафы, в которые тебя не пускают.

Кассиан бережно достал с полки тяжёлый свиток. Он не был сделан из пергамента или бумаги. Это была тонко выде-

ланная, потемневшая от времени кожа.

— Это он, — выдохнул архивариус.

— Хроника Забытых, — прошептал архивариус, раскладывая находку на ближайшем читальном столе и поднося поближе светящуюся сферу. — Официально Церковь утверждает, что магия всегда была даром Света, а Инквизиция существовала с начала времён. Но этот свиток написан девяносто семь лет назад. В год, который они теперь называют «Годом Очищения». Я искал его довольно долго. Одна из немногих записей, которые Церковь не успела уничтожить до основания. Здесь упоминаются Павшие. Я в этом уверен.

Нико подошёл ближе, глядя на непонятную вязь древних рун. В прошлой жизни он изучал тактику, геополитику и баллистику заклинаний. История всегда казалась ему лишь инструментом пропаганды.

— И что там сказано? Только без религиозного мусора, — сухо потребовал Нико. — Факты.

— Факт в том, что богов нет. По крайней мере, таких, какими их рисует Церковь, — Кассиан провёл пальцем по строчкам. Его глаза горели лихорадочным блеском. — До Года Очищения магия в мире была дикой. Она не подчинялась жрецам, она не концентрировалась в кристаллах. Она просто текла. И равновесие этого потока поддерживали сущности. Те самые Павшие.

— Что значит «равновесие»? — Нико сложил руки на груди. — Они были стражами? Привратниками?

— Никто не знает. Текст здесь повреждён, — Кассиан указал на обожжённый край.

— Ты называл их ангелами и демонами.

— Это метафора. Люди всегда склонны называть то, чего не понимают, божественным или дьявольским, — В свитках их называют «Павшими». Первородные сущности. Те, кто знали о мире больше и управляли им. Сущности чистой маны, поддерживающие жизнь в мире — Светлые. И сущности, поглощающие излишки магии, не дающие миру сгореть от переизбытка энергии — Тёмные. Они не воевали между собой. Они были двумя сторонами одной монеты. Гармонией.

— Что случилось девяносто семь лет назад?

— Переворот, — жёстко ответил Кассиан. — Группа сильнейших магов того времени, тех, кто позже назвал себя Первыми Инквизиторами, поняла одну простую вещь. Если уничтожить Павших, их силу и власть можно забрать себе. Тем самым монополизировать магию. Сделать так, чтобы мана текла только к тем, кому они разрешат.

Нико смотрел на древний свиток, и в его голове складывался пазл. Архитектура лжи, которую он защищал всю свою жизнь, обретала очертания.

— Они не просто убили их, — голос Нико стал низким и холодным. — Они изменили природу мира. Поэтому теперь магия передаётся по крови аристократам. Поэтому Церковь контролирует источники.

— Именно! — архивариус ударил кулаком по столу, но тут же испуганно осёкся, понизив голос. — Они заманили Павших в ловушку. Уничтожили их физические оболочки, а их Имена — их истинную суть — убрали из всех летописей. Потому что Имя несёт в себе власть. Тот, кто знает Имя Павшего, может призвать остатки его силы или... стать его сосудом... «наверное», — с усмешкой сказал Кассиан.

Кассиан медленно поднял взгляд на Нико. В голубоватом свете магической сферы лицо бывшего гвардейца выглядело жёстче, старше, а аметистовые глаза мерцали потусторонним светом.

— Ваша «Скверна»... Антимагия. Это не болезнь. Это новая, совсем неизвестная переменная нашего мира. Девяносто семь лет назад Инквизиция убила «Павших», тех, кто поглощал магию. Антимагия — это такая же сила и энергия, как и магия, а энергия никуда не исчезает просто так. Пустота искала выход. И она начала просыпаться в случайных людях. В тех детях из трущоб, которых сжигают на кострах... наверное — снова с усмешкой сказал Кассиан.

Слова Кассиана ударили Нико сильнее, чем клинок.

Он вспомнил крики людей, которых он отправлял на костёр. Он вспомнил своего друга из приюта, которого забрали храмовники. Они не были демонами. Они были наследниками уничтоженной гармонии. Инструментами равновесия, которые сломанный мир пытался создать заново. И он, капитан гвардии, слепо вырезал их своими руками.

Кассиан тяжело выдохнул, глядя на потемневшее лицо собеседника. Архивариус вдруг осознал, что стоит в подземном склепе наедине с человеком, способным одним касанием обратить его в пепел, но при этом даже не знает его имени.

— Кстати... — голос Кассиана дрогнул, но он заставил себя говорить ровно. — Как вас зовут? Настоящее имя. Не думаю, что «дезертир» — это то, как к вам обращались в гвардии.

Нико поднял на него тяжёлый взгляд аметистовых глаз. Лгать не было смысла.

— Нико, — коротко ответил он.

Архивариус слабо, но искренне улыбнулся.

— А меня — Кассиан. Но можно просто Кас, — юноша протянул руку через стол для рукопожатия, как это делали равные.

Нико посмотрел на протянутую ладонь. Он вспомнил, как обнажённая кожа выжигала жизнь из целителя Элиаса, вспомнил предсмертные хрипы мана-гончих.

Затем он перевёл взгляд на свою правую руку. Плотная, задубевшая кожа перчатки надёжно скрывала его проклятие. Пока между его телом и миром есть барьер, он безопасен.

Нико протянул руку в ответ.

Кожаная перчатка жёстко, по-армейски сжала ухоженную ладонь архивариуса. Рукопожатие длилось всего секунду, но для них обоих оно означало закрепление того странного, хрупкого союза, что зародился между ними.

— Ищи Имена, Кас, — ровным тоном произнёс Нико, разрывая контакт. — В этом свитке есть Имена?

Кассиан кивнул, воодушевлённый этим маленьким шагом к доверию. Архивариус торопливо взгляделся в текст.

— Факт в том, что мир устроен сложнее, чем учат жрецы, — Кассиан склонился над свитком. — Основа нашего мира — четыре элемента. Вода, огонь, ветер, земля. Это знает каждый ребёнок. Но это лишь база. Простейшие формы магии, как буквы в алфавите. А из букв складываются слова.

Архивариус загнул палец.

— Подклассы. Вода в руках мастера становится льдом, паром, туманом. Но есть и те, кто научился управлять жидкостями в живом теле — кровью, лимфой. Целители работают именно так: не лечат рану, а заставляют кровь свернуться быстрее, ткани — срастись. Огонь — это не только пламя. Молния, плазма, чистый жар без видимого огня. Лучшие боевые маги Империи умеют нагревать воздух вокруг противника до такой температуры, что доспехи плавятся прямо на теле. Ветер — это звук, скорость, давление. Есть маги, способные создать вакуум в пяти шагах от себя — и человек задыхается посреди открытого поля. Земля — металл, кость, кристалл. Всё, что имеет твёрдую структуру. Ветер в связке с землёй даёт контроль над гравитацией, искажает пространство. Сложнейшие формы, доступные единицам. Этим сейчас уже мало кого удивишь — в академиях учат комбинировать элементы с первого курса.

Кассиан выпрямился.

— Есть люди, которые развили нечто большее. Врождённые способности, не привязанные к элементам. Чаще всего это встречается в высококровных домах и дворянских семьях. Вам прекрасно известно о них. Их аристократия держится не только на огромных запасах маны, но и на пассивных способностях. Взять хотя бы высококровный дом Валериус, судей Столицы. Их пассивная способность — «Трибунал», или «Истина», точного одного названия нет. Магия, заставляющая говорить правду или судящая по намерениям. Как она работает — известно только самой семье. И каждый член их рода проявляет её по-своему. Мир был упорядочен. Идеальная система элементов и крови.

Кассиан помолчал, снова уткнувшись в древний текст.

— Но есть и другое, — голос Кассиана понизился. — Простые люди. Не аристократы, не выпускники академий. Дети рыбаков, кузнецов, шахтёров. Единицы — да, но они есть. Те, в ком сила проснулась сама, без благородной крови, без ритуалов, без наставников. Просто однажды мальчишка из портового района сжёг деревню взмахом руки. Или девочка из деревни заговорила с волками, и те её послушались. Церковь учит, что это дар Света. Божественная милость, дарованная достойным. Красивая история. Удобная.

Кассиан постучал пальцем по свитку.

— Но в этом тексте написано другое. До Года Очищения таких случаев не зафиксировано. Ни одного. Девяносто семь

лет — и ни единого упоминания о том, чтобы магия пробудилась в человеке без магической родословной. А потом — как плотину прорвало. Одновременно, по всем Империям. Словно что-то сломалось в самом устройстве мира, и сила, которая раньше текла по строго отведённым руслам, начала просачиваться сквозь трещины. В случайных людей. В тех, кто по всем правилам не должен был обладать и искрой.

Кассиан выпрямился. Глаза горели.

— Понимаете, что это значит? Мир, который мы знаем, — с его элементами, подклассами, пассивными умениями, пробуждёнными — ему всего девяносто семь лет. Всё, что Церковь выдаёт за вечный порядок вещей, за «волю Света», за «так было всегда» — это конструкция возрастом в три поколения. До этого магия работала иначе. Мир был другим. И кто-то очень постарался, чтобы мы об этом забыли.

Кассиан нервно облизал губы и снова уткнулся в древний текст.

— Но примерно сто двадцать лет назад в мир пришла сила, которая начала портить, разъедать сами основы мироздания. Антимагия. Уничтожение самой сути нашего мира и понимания живого. В свитках говорится, что эта сила могла тягаться не только с высококровными магами, но и с самими богами... а может, и с теми, кто стоит еще выше. Текст называет ее «отменой всего в мире». Но как именно работает эта отмена — непонятно. Слова смазаны, а мои знания этого мертвого диалекта хромают, уж простите, Нико.

Нико слушал, не перебивая.

— Что ещё там сказано? — глухо спросил он.

— Вот тут начинается самое интересное, — Кассиан поправил очки, которых у него не было — привычка кабинетного ученого. — Раньше я смел предполагать, что Павшие — это просто аллегория на павших ангелов. Ну, знаете, классическое сказание о добре и зле. Но читая этот текст, я понимаю, что ошибался. Павшие были реальными существами. И Первый из Павших обладал колоссальной силой. В тексте сказано, что он подчинял себе целые миры и жаждал покорить наш...

Нико не выдержал. Он издал короткий, презрительный смешок.

— Серьёзно? Зло, которое хочет творить зло, просто потому, что оно злое? — бывший капитан покачал головой. — Что за дешёвые приёмы из детских сказок. Я думал, ты нашёл секретные архивы, Кас, а у тебя в руках пустой пергамент с байками для крестьян.

Кассиан вспыхнул. Волк снова проступил сквозь овечью шкуру.

— А здесь сказано, что у Первого был союзник. Второй Павший, и Третий... — быстро заговорил архивариус.

— Имена, — жёстко перебил Нико, опираясь руками о стол и нависая над юношей. — Что мне эти сказки? Дай мне имена.

— Подождите, вы, нетерпеливый неграмотей! — нежи-

данно огрызнулся Кассиан, даже не подумав отшатнуться. — Наука — это терпение. Она не даётся невежам, которые привыкли всё решать ударом меча! Дайте мне дочитать!

Нико слегка удивлённо приподнял бровь, но промолчал, позволяя учёному продолжить. В этой библиотеке Кассиан был у себя дома. Здесь правила устанавливал он.

— Так вот, — Кассиан победно выдохнул, возвращаясь к переводу. — Первый Павший хотел подчинить мир. Его сила была колоссальной. В чём именно она заключалась — неизвестно, автор словно намеренно оборвал описание. Классическая интрига, словно читаю какой фантастический роман, забавно. Но вот Второй Павший... он владел самой основой Антимэгии. Именно он, Второй Павший сто двадцать лет назад принёс в наш мир эту «переменную» и уже совместно с Первым начали войну в нашем мире.

Архивариус поднял на Нико горящий взгляд.

— Получается, появление Первого и Второго — это начало всей истории нашего Нового Времени. А кульминация их войны — это те самые события, которые произошли девяносто семь лет назад! Год Очищения. Это ведь не так уж и давно, Нико!

— Если это было недавно, почему никто об этом не помнит? — холодно спросил Нико. — Церковь переписала историю, но человеческую память стереть сложнее. Должны были остаться очевидцы.

— Очевидцы есть, — кивнул Кассиан. — Нам просто ну-

жен народ, который живёт достаточно долго, чтобы застать то время.

Эльфы!

Нико тяжело вздохнул. Ирония этой ситуации была просто издевательской.

— Отличный план, Кас, — саркастично произнёс Нико. — Есть только одна крошечная проблема. С того самого момента, ровно девяносто семь лет назад, люди ведут с эльфами непрерывную войну на уничтожение. Удачи тебе подойти к эльфу и спросить у него, как дела на историческом фронте.

— Это усложняет дело, — признал Кассиан, ничуть не смутившись. — Но это значит, что война с эльфами и появление Церкви связаны с Павшими! И... подождите.

Нико тяжело вздохнул. Война с эльфами шла последние девяносто семь лет. Бесконечный обмен ударами. Каждый солдат Империи знал, что воюет с эльфами. Никто не помнил, с чего эта война началась.

— Девяносто семь лет, — медленно произнёс Нико. — Война началась в тот же год, что и Год Очищения. Это не совпадение.

— Именно, — кивнул Кассиан. — Эльфы знают, что произошло. Возможно, они единственные, кто помнит. Но подойти к эльфу и спросить, как дела на историческом фронте, — Кассиан криво усмехнулся, — задача непроста. Учитывая, что они стреляют первыми и спрашивают потом.

— Если вообще спрашивают, — добавил Нико.

— Если вообще спрашивают, — согласился Кассиан. — Но это значит, что война с эльфами и появление Церкви связаны с Павшими. Всё одна цепь.

Палец Кассиана замер на самом краю потемневшей кожи, там, где пергамент был сильно повреждён огнём и временем.

— Тут есть упоминание имени. Одно из Имен Павших.

Нико подался вперёд.

— И как его имя? Чьё оно? Первого? Второго? Третьего? — выдохнул Нико.

Кассиан прищурился, пытаясь разобрать полустёртые руны.

— Текст повреждён, — с досадой пробормотал архивариус, бережно, чтобы не раскрошить, разглаживая кожу. — Я не могу понять, кому именно из троих оно принадлежит. И прочитать могу только первую букву... Оно начинается на «М». Дальше всё выжжено.

Нико отстранился от стола, тяжело вздохнув.

— Идеально, — сухо произнёс бывший капитан. — Итак, из трёх упомянутых в тексте Павших мы не знаем, сколько их всего на самом деле. Зато теперь мы знаем, что их как минимум трое, и что имя одного из них начинается на «М». Блестящее расследование, Кас. Где тут можно посмотреть в сценарий, чтобы узнать, что нам делать дальше? Мы должны пойти и найти всех людей в Империи с именем на «М», или сразу сдать Инквизиции?

— Очень смешно, — буркнул Кассиан. — Между прочим,

в Империи около сорока миллионов человек. Из них, по моим прикидкам, имена на «М» носят примерно три миллиона. Так что да, ваш план вполне реалистичен. Начнём с алфавитного списка налогоплательщиков?

Нико посмотрел на него.

— Ты сейчас шутишь?

Кассиан открыл рот, чтобы возмутиться этой грубой армейской иронией, но ответить не успел.

Тяжёлый, металлический лязг разорвал гробовую тишину архива.

Это не было проявлением магии или божественного вмешательства. Это был сухой, механический звук падающих запорных решёток где-то в коридоре. В следующее мгновение голубоватая сфера под потолком мигнула и сменила свой свет на пульсирующий красный.

Кассиан побледнел, инстинктивно прижимая Хронику Забытых к груди.

— Тревожный контур, — прошептал архивариус, глядя на заливающий стеллажи красный свет. — Двери заблокированы.

— Какого дьявола, Кас? — холодно бросил Нико. — Я Контуров не задевал. Они меня не видят.

— Это не вы... и не магия, — Кассиан сжал челюсть, пытаясь к стеллажам. Его академическая уверенность испарилась без следа. — Это пропуск. Я же говорил, у меня допуск только на первый ярус. Чтобы спуститься сюда, я... одолжил

печать Высшего Архивариуса.

— Ты украл печать, — с долей иронии констатировал Нико.

— Я позаимствовал её на ночь! — в отчаянии пискнул Кассиан. — Стража не должна была проверять архивы до утра! Должно быть, ночной патруль сверил журналы дежурств у Контур и понял, что Высшего Архивариуса в здании нет, а его печать прошла на минус третий ярус. Обычная проверка! Слепая случайность!

Случайность. Самый страшный враг любого идеального плана. Ты можешь обмануть магию, можешь обмануть богов, но ты не можешь обмануть въедливого стражника с журналом учёта. Это было так по-человечески, так глупо и так фатально.

Из-за тяжёлых металлических дверей, ведущих к лестницам верхних ярусов, донёсся лязг тяжёлых доспехов и приглушённые крики.

Они не задают вопросов. Они рубят сразу.

— Сколько их там? — хрипло спросил Нико.

— Патруль храмовников — это всегда четверо, — Кассиан дрожащими руками сунул Хронику Забытых за пазуху. Волк снова превратился в испуганную овцу. — Нам конец. У них зачарованные латы. Их клинки режут камень! Нам не выбраться тем же путем, шахта вентиляции тоже перекрыта защитной плитой при тревоге!

— Успокойся, — рявкнул Нико.

Двери в конце зала содрогнулись от первого тяжёлого удара. Храмовники выбивали замки, заблокированные их же собственной системой безопасности. У них оставались секунды.

— Ты сказал, их броня зачарована, — Нико перевёл взгляд на архивариуса. Лицо бывшего капитана было абсолютно бесстрастным. — Значит, в ней есть мана.

— Да, руны укрепления и скорости, — быстро закивал Кассиан. — Но какая разница?!

— Большая, — Нико стянул перчатку сначала с левой, а затем и с правой руки, убирая их в карман. Теперь обе его ладони были обнажены. Пустота под кожей в предвкушении боя активировалась, почувствовав свободу. — Спрячься за стеллажом. Не высовывайся, пока я не скажу.

Тяжёлые створки с оглушительным скрежетом распахнулись, вырванные с петлями.

В проём ворвались четверо воинов Инквизиции. Их серебряные латы в свете красных тревожных рун казались отлитыми из свежей крови. В руках они сжимали длинные двуручные мечи, лезвия которых гудели от переполняющей их энергии Света.

— Именем Сияющей Истины! — прогремел голос старшего храмовника из-под глухого шлема. — Оружие на пол! Лицом в пол!

Бывший капитан гвардии медленно, не делая резких движений, шагнул навстречу элите Империи. В его глазах не бы-

ло страха. Там была лишь пугающая пустота.

— Ваша Истина — это пепел, — тихо произнёс Нико.

Храмовники не стали повторять приказ. Двое передовых бойцов сорвались с места, двигаясь с нечеловеческой, усиленной магией скоростью. Их мечи взвились в воздух, готовясь разрубить еретика крест-накрест.

Нико глубоко вдохнул, позволяя Тени внутри себя проснуться.

Стелс закончился. Началась война.